

Рос 4-4 А 1794
1-624

№ 52.

АПРЕЛЬ 1924 Г.

Цена 15 цент.

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩИЙ
— ДУХ СОЗИДАЮЩИЙ

ОТ
КАЖДАГО ПО
СПОСОБНОСТЯМ
И
КАЖДОМУ ПО
ПОТРЕБНОСТЯМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

СОДЕРЖАНИЕ :

Нельзя молчать.

Идеал и действительность.

Анархизм и скептицизм.

Взаимная ответствен. и солидарность в борьбе рабоч. класса.

Первое Международное Товарищество Рабочих.

В Болгарии.

Песни борьбы.

Стихотворение.

Ответ тов. Плотнику.

Мысли о религии.

День рабочей печати.

Воззвание Международного Товарищества Рабочих.

Библиография.

Отчеты и заявления.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

13 ОТДЕЛ

ИМ. В. И. ЛЕНИНА

67-185

НЕЛЬЗЯ МОЛЧАТЬ.

Ужас, зверства и кошмар, царящие в большевистских тюрьмах, хотя и медленно — но все же просачиваются и выходят за пределы комиссарской сатрапии. Странная казенной прессы подсластить и преподнести горькую истину в розовом свете; усилия продажных и подхалимствующих слуг государства "пролетарского" — скрыть, законопатить действительность, — остаются тщетными: истина и действительность — в их настоящем, неподделанном виде — открываются. Стоны, слезы и муки изнемогающих, доходящих до самоубийства узников, с одной стороны; рев и дикие окрики озверевших чиновников — с другой, — пробивают толстые тюремные стены, прорываются сквозь густые решотки и разносятся по всему миру. То с севера холодного, то из центральной России, то из далеких пустынь безлюдной Сибири, доносятся душераздирающие сцены, потрясая и возмущая каждого, в ком еще не угасла человеческая совесть, и заставляя самым решительным образом протестовать против подобно-го систематического истребления одичавшими большевиками своих политических противников.

Рабочие многих стран вяли этому кошмару, несущемуся из советских бастилий, и начинают возвышать свой голос против погрома и поругания расширевшими фанатиками элементарнейших основ человечности. Поднятая кампания протеста принимает всеобщий и всемирный характер и готова вылиться в один сплошной крик: — отворите тюрьмы!

Будет ли эта кампания успешной, окажет ли она соответствующее воздействие на большевистское правительство, облегчится ли вследствие этого участь заключенных, — иными словами говоря, будут ли результаты кампании благоприятны, — трудно, разумеется, сказать. Но достоинство самого факта, а равно и моральное его значение во всяком случае не подлежат спору. Прежде всего этим подчеркивается, что тот великий обман, которым так ловко и хитро прикры-

валось большевистское правительство, заметно редеет и рассеивается. Густые "октябрьские" облака, окутывавшие страну несколько лет, начинают расступаться, горизонт проясняется, и вершителю судеб многомиллионного народа — большевики — предстают в полном величии своих запятнанных человеческой кровью риз. Мерзость этой поистине ужасной картины усугубляется еще тем, что ризы, в которые большевики облачились, есть ризы священные, опорочение которых никогда не смоеется. Если бы большевики пришли в своем настоящем одеянии — одеянии палачей — поступки их казались бы не так преступны, и им в таком случае, как открытым профессиональным убийцам, можно было бы кое что простить. Но большевики превзошли все возможности по части безумия: они явились в ризах революции и, не снимая их, принялись за свое святотатственное дело. С этой точки зрения большевикам не может быть никакого снисхождения, ибо они своими варварскими поступками опозорили не только свое имя, но и имя революции. Революцию, вещающую миру радостную и светлую жизнь, они превратили в бич человечества, в яд культуры. Они нарезали горы человеческих трупов, пролили океаны крови, моря слез народных выпили... во имя революции и от имени революции. Они возвели на плаху тысячи истинных революционеров, заточили в тюрьмы тысячи подлинных носителей революции... во имя революции и от имени революции. Можно ли ожидать еще худшего?..

Правда, революция — не идиллия, — и с этим следует согласиться, — лик ее может быть и страшен и грозен порой; но в то же время революция не базарное головоутихание, не разбой, не грабеж на большой дороге, — во что превратили ее большевики. Сущность революции заключается не в одном только разрушении старых сковывающих жизнь плотин, — это только отрицательная, чисто функциональная сторона, — но в чем то гораздо большем, а именно: в

том, что революция, разрушая старые устои, тем самым расчищает путь, дает возможность молодым побегам новой жизни свободно расти и развиваться. Иначе говоря — основное содержание революции не в самой революции, а в ее последствиях; не в том, что революция разрушает, а в том, для чего она разрушает. Поэтому то и революционные волны — даже если они грозны — красивы и чарующи лишь постольку, поскольку они разрушают старое, не скрывают жизнь новыми льдами. В тех же случаях, когда вслед за падением старых плотин освободившийся поток жизни опять насилуется, опять вгоняется хотя бы и в новые тиски, — в таких случаях революция утрачивает свою обаятельность, становится ненужной и излишней.

Большевики же своими действиями как раз и напоминают последнее. Пронесая над всей страной в циклоне революции, предав огню и мечу все то, что, по их мнению, имело намеки на старое, они не замедлили молодую, хлынувшую бурным потоком из под разломившихся льдин царизма, жизнь обуздать новыми путями, — путями партийности. Как истые фанатики, державшие буквы своей программы, они втиснули всю страну в узкие партийные рамки; всюду повесили замок и наложили печать; все припибли, приказали, за исключением того, что носит ярлык партийности. И — в результате — широкое житейское море опять оказалось все замороженным, закованным; остался свободным лишь один мутный ручеек — теория марксизма, из которого и приказывают всем пить воду, несмотря на то, что эта вода не годится и вредна для здоровья.

Теоретически уже давно было доказано, что теория марксизма не применима к жизни, что она, — простая выдумка ее обоснователей. Марксисты долго оспаривали подобное мнение, долго твердили, что их теория вполне жизненна и обоснована на научных началах, пока, наконец, сами самым блестящим образом не опровергли своих доводов. Примененная к действительности теория марксизма не выдержала ни малейшего испытания: как мыльный пузырь разбилась она о суровую действительность. И догматичные фанатики этой теории — большевики,

вместо того, чтобы согласиться с совершившимся фактом, лишь пуще прежнего озлобились и все в большей и большей мере прибегали к террору. Их сердило то обстоятельство, что вынесенное из кабинета Маркса растение, несмотря на все заботы и обильное поливание почвы человеческой кровью, по-прежнему оставалось чахлым и безжизненным, и они в озверении принялись вымещать злость на своих политических противниках. Но для того, чтобы скрыть истинную суть своих деяний они тщательно прикрывали все это стягом борьбы с контр-революцией. И следует сказать, что некоторое время выхода удавалась: мировой пролетариат и вообще люди, борющиеся за справедливость, не имея точного представления о русской революции, думали, что в самом деле контр-революция всему мешает. Но когда пресловутый козел отпущения — контр-революция слыхась — отчасти — с партией большевиков, а другая ее часть до того ослабела, что перестала представлять скольконибудь серьезную опасность для многомиллионного народа, то всем стало очевидно, что контр-революция тут не при чем; всем стало ясно, что все ужасы, творимые большевиками, вытекают главным образом из природы самой Р. К. П. и — далее — из теории марксизма. И рабочие всего мира, увидев все это, не могут, конечно, больше молчать; их возмущают как самые зверства, практикуемые большевиками, так и то, что они (большевики) все эти подлости прикрывают именем революции. И уже не далеко то время, когда между рабочими и большевиками не будет ничего общего, когда между ними будет такая же зияющая пропасть, какая сейчас пролегла между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Ведущаяся в настоящее время кампания протеста является в этом наглядным примером. Она — начало великого начала.

Протестуя против действий большевистского правительства, нельзя, однако, этим ограничиваться. Необходимо помнить, что главная суть заключается не в действиях, как таковых, а в тех принципах, на которых действия базируются и из которых они логически вытекают. Всякое конкретно выраженное действие, как бы зна-

чительно оно ни было, есть лишь отдельное звено общей цепи — принципа, так сказать неизбежное проявление той силы, которую можно назвать возможностью. Не будь возможности — не было бы и действия. Само собой понятно, что для того, чтобы обезвредить то или иное действие, чтобы лишить его возможности вновь проявляться, необходимо пресечь его в самом корне — в принципе.

Ставя протест против большевистского правительства на подобную точку зрения, прежде всего появляется вопрос — какие же принципы подлежат осуждению. Можно без преувеличения сказать, что все принципы большевистской тактики в иных случаях входят в сферу осуждения; но в данном случае особенно выделяется принцип о сущности тюрем или — что одно и то же — принцип о преступности.

Как это ни печально, но приходится сказать, что до настоящего времени принцип о тюрьмах понимался и принимался, — за некоторыми исключениями, конечно, — в положительном смысле, т. е. тюрьмы считались как учреждения, необходимые и полезные. Даже многие из тех просвещенных людей, которые составляли против смертной казни, ограничивались лишь тем, что смертную казнь заменяли пожизненным тюремным заключением, как средством более мягким и более нравственным.

Что лучше, справедливее и гуманнее — смертная казнь или пожизненное заключение, — вопрос, разумеется, особый; но во всяком случае тюремное заключение, так же как и смертная казнь, не имеет под собой абсолютно никакой опоры, исключая, конечно, положительное право, которое в подобных случаях опорой быть не может. Единственная казавшаяся возможной опора — теория прирожденности преступных наклонностей, на которую больше всего сторонники тюрем (а также и сторонники смертной казни) ссылались, получила за последнее время значительную брешь. В настоящее время почти с достоверностью установлено, что природных, врожденных наклонностей к преступности нет, а есть лишь результат тех или иных дефектов, как источников всяких преступлений.

... Много лет тому назад я начал рабо-

тать, — говорит американец Томас Холмс, — убежденный, что источник преступления есть слабость и пьянство, но мне пришлось увидеть другую причину, так что установленное до сих пор мнение должно поколебаться. Мой опыт мне говорит, что большинство преступлений происходит не от слабости, не от желания сделаться преступником или от чрезмерного употребления алкоголя, а часто от причин независящих от самого преступника, против которых он даже борется, но почти всегда безрезультатно“.

Что же это за причины, толкающие человека на путь преступности?

Причин здесь без сомнения может быть много и самого разнообразного вида, но самыми основными из них следует признать в данном случае причины социального характера. По вычислениям австрийского ученого Ю. Варга 89 % всех преступников, 94 % всех воров, 79 % всех мошенников не имеют решительно никакого имущества. Как видно, чуть ли не 9/10 всех преступлений так или иначе связаны с вопросом о хлебе. 87 % — в среднем — всех преступлений были совершены исключительно потому, что люди хотели кушать, или изнывали от холода. И только в тринадцати из ста случаев преступник мог быть сытым и одетым. Но и в этих случаях еще далеко до заключения о прирожденности преступных наклонностей. Всем известно, что человек иногда может совершить преступление в момент возбужденного состояния, когда ум его теряет всякий контроль над чувствами. Особенно подобные случаи возможны на почве так называемых любовных историй, где чувство и страсти играют огромную роль. И каким бы тяжким содеянное в таком состоянии преступление ни казалось, все же считать его природным нельзя, ибо преступник зачастую, как до преступления, так и после, ведет вполне нормальную жизнь. Но даже в тех случаях, когда действительно проявляются как бы природные наклонности к преступлениям; когда человек всю свою жизнь не может избавиться от влечения к воровству, например, — даже в таких случаях следует остерегаться скороспелого заключения о врожденности преступных наклонностей. Очень часто, после осмотра и исследования пре-

туника оказывалось, что вся его преступность не что иное как результат какого либо случая, имевшего место в его жизни: падения, например, и повреждения некоторых частей тела. Иногда бывало достаточно одного удара рукой, — особенно в височную часть, — для того, чтобы у человека появились преступные наклонности. Но в то же время, во всех таких случаях было достаточно надлежащего лечения, что бы преступник стал нормальным человеком.

Едва ли приходится настаивать после вышесказанного, что для исправления преступников и для искоренения преступности нужны не тюрьмы, а хлеб, жилище, разумное воспитание и, наконец, оперативное лечение. Все это само собой очевидно и нет сомнения, что при наличии всего этого всякие преступления отойдут в область преданий, в область сказок.

Но если тюрьмы не оправдывают своей сущности с уголовной точки зрения, то с точки зрения политической они тем более не выдерживают критики. Нет ни малейшей возможности доказать в чем именно заключается виновность политического преступника и на каком основании он должен быть посажен в тюрьму. Обыкновенно говорят, что вина политического преступника заключается в том, что он, во-первых, восстает против существующего, узаконенного правопорядка и, во-вторых — угрожает благополучию блюстителей этого порядка. Первое утверждение — полнейшая нелепость, ибо в таком случае президенты Соед. Штатов Г. Ваннингтон и А. Линкольн, и целая плеяда светлейших личностей в истории — от Сократа до Толстого — должны бы быть величайшими преступниками. Второе утверждение действительно на первых порах кажется несколько основательным. Угрожать благополучию, а тем более жизни — какого бы то ни было человека, в самом деле — преступно. Однако, если вникнуть в суть немного глубже, то и эта кажущаяся основательность не представляет скольконибудь серьезного значения. Прежде всего обращает на себя внимание поразительная легкость и удобство обстановки для совершения политического преступления (хотя это в такой же мере относится и к уголовным преступлениям). Удобство это обуславливается на-

личием в обильном количестве тех предметов, посредством которых преступление совершается. Кому, например, не известно, что человеку, вооруженному огнестрельным оружием, не представляется почти никакой трудности ограбить своего соседа или другого человека. Точно также вооруженному человеку сравнительно легко нанести ущерб или лишить жизни какое-нибудь высокопоставленное лицо. Суть, следовательно, в наличии оружия. А ведь оружие-то в конце концов выделяется не преступниками, а — или государством, или лицами, находящимися на хорошем счету у государства. И поэтому тем, кто протестует против политического террора, необходимо прежде всего направить свой протест против выделки всякого оружия и требовать полного уничтожения уже имеющегося. Не будет оружия — не будет столько и преступлений.

Помимо этого, если считать посягательство на жизнь государственных особ действительной предпосылкой для существования тюрем и томления в них политических преступников, то, надо полагать, было бы достаточно для этого одной тюрьмы на весь мир, ибо террористов сравнительно немного и покушения на знатных особ теперь очень редки. Тот же факт, что тюрьмы и изобилие существуют во всех странах и что в них в качестве политических преступников томятся некоторые религиозные сектанты, не только не причастные к террору, но даже считающие грехом держать в руках оружие, — дает основание полагать, что дело тут не в терроре, что террор здесь только реклама. И действительно, если присмотреться к действительности, то не трудно убедиться, что политические преступники сидят в тюрьмах не столько за свои действия сколько за свои убеждения, за свою искреннюю веру в идеал. Убеждения, поэтому, могут быть единственной виной политических осужденных. И вины этой, конечно, никто не станет не только отрицать, но и опаривать. Но тут то и выступает в полном величии вся гнусность правящих классов или партий. Преследовать и наказывать человека только за то, что он думает не так, как кому хочется, что он верит в торжество и справедливость своего идеала, есть самое грязное и самое подлое дело, какое то-

лько можно придумать в наше время. Свобода со-
вести и верований всегда была самым драгоцен-
ным, самым возвышенным идеалом человече-
ства. За ее осуществление не мало крови проли-
лось, не мало муки и пыток было перенесено.
Лучшие сыны отдавали свои цветущие жизни
за нее, величайшие умы безропотно шли на
Голгофу... И пора бы, кажется, нынешним пра-
вляющим классам или партиям иметь хоть капе-
льку совести и не топтать грязными сапожниками
ярких венков, возложенных человечеством на мо-
гилы мучеников, павших в борьбе за свободу со-
вести. Тем более — пора, что многие из ныне-
шних правителей, а большевики в особенности,
сами же считают себя поборниками великих иде-
алов, сами же на всех углах и перекрестках твер-
дят о свободе, справедливости и т. п. Их пи-
санные законы и уставы тоже всегда начинаются
гарантией личности, свободой верований и
т. д. Вот д. А. на деле...

Попадает, таким образом, не только сво-
бода, но и самая необходимая последователь-
ность. На ряду с диким разгулом произвола
крупными брызгами брызжет ложь и лицемерие.

ИДЕАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

Энрико Малатеста.

Оставляя в стороне различные "философ-
ские" определения, противоречивые, туманные и
мало убедительные, скажем просто: идеал —
это то, чего мы желаем, действительность — то,
что существует.

Одной из наиболее характерных особеннос-
тей человеческой психологии является постоян-
ное недовольство существующим, стремление к
лучшему, к более совершенному, надежда дос-
тигнуть большей свободы, мощи и красоты. Тот,
кто полагает, что "все прекрасно в этом лучшем
из миров", что ничто не должно и не может из-
меняться, кто без борьбы, без протеста, без по-
рыва возмущения примиряется хладнокровно с
создавшимся в силу обстоятельств положением
— тот недостойн называться человеком. Ибо он
живет пассивной, чисто растительной жизнью —

И видя все это на каждом шагу; встречая
все это в каждой стране, а в России особенно,
— нельзя молчать. Нельзя быть хладнокровным
зрителем мук и страданий невинных людей. Ну-
жно протестовать против зверств, кем бы они ни
учинялись. Нужно требовать освобождения всех
политических заключенных, в каких бы тюрь-
мах они ни находились. Нужно добиваться по-
лного уничтожения всех тюрем, этих универси-
тетов развращения, как их называл Кропоткин.
Нужно указывать, что преступления — резуль-
тат ненормальности общественного строя; и для
того, чтобы их (преступления) искоренить, сле-
дует прежде всего реорганизовать само обще-
ство. Нужно бороться против всякой демагогии,
от кого бы она ни исходила, ибо это противоре-
чит самой малейшей гуманности и грозит челове-
честву смертью. Нужно вскрывать все эти боля-
чки на общественном теле, обнажать и указы-
вать на них. Это — долг всякого человека, кому
дорога свобода и справедливость, а анархиста —
тем более.

Апрель, 1924 г.

если можно так выразиться, не оклеветав ни в
чем неповинных растений.

С другой стороны, однако, нам далеко не
всегда представляется возможность действовать
так, как мы бы того желали — ибо помимо бес-
попядных законов внешней природы, нас связы-
вают еще и действия других, закон социальной
солидарности, который добром или силой прину-
ждает нас разделить жребий всего человеческо-
го рода. Необходимо, таким образом, сохраняя
стремление к идеалу, в действиях своих приме-
няться к возможностям и средствам.

Тот, кто мирится со всем существующим,
представляет собой, как мы уже сказали, вещь
мажорное существо, которое в известном смыс-
ле можно было бы уподобить растению. Тот же,
кто, в противоположность этому, воображает, бу-

что он может делать все, что ему заблагорассудится, не считаясь ни с волей других, ни с теми средствами, какие необходимы для осуществления его цели, ни с обстоятельствами, при которых он действует — является попросту мечтателем, фантазером, обреченным на роль вечной жертвы, и не подвинет ни на шаг дорогое ему дело.

Таким образом для нас, анархистов, — своей целью поставивших возможно лучшее служение идее, — считающих, что анархия — это не "греза, лелеемая при лунном свете", но известная форма индивидуальной и социальной жизни, осуществление которой принесет с собой наибольшее общее благо — для нас существо проблемы заключается в том, чтобы, сообразуясь в своих действиях с создавшейся исторически обстановкой, достигнуть максимальных полезных результатов.

Нужно не игнорировать реальность, а наоборот: — если она плоха — нужно побивать ее "ее же оружием", пользуясь теми средствами, какие она нам предоставляет.

Когда разразилась мировая война, пагубные последствия которой ощущаются еще очень явно, в определенных кругах, называвших себя — и, может быть, в действительности бывших разрушительными ("subversifs"), толковали очень много о реальности. Все полусознательные элементы, все, кто искал предлога чтобы покаяться публично в грехах своей молодости и пристроиться к какому нибудь тепленькому местечку, все утомленные борьбой, но не имеющие ни честности, ни мужества объявить об этом открыто и уйти в свою частную жизнь — все они — и в том числе многие социалисты и анархисты, — не только приняли, но и превозносили войну, на том основании, что она "является фактом" — прикрываясь искренним порывом и приверженностью (*adhesion*) нескольких великодушных сердец — ибо те, кто был слепо слеплен ошибочным пониманием истории и заведомо-живой пропагандой, верили искренне, что война эта явится подлинно — освободительной, и поспешили принять в ней участие, жертвуя всеми своими личными интересами.

В настоящее время многие переходят под

этим же предлогом в стан фашизма — в виду того, что последний является также совершившимся фактом. Они прячутся, они пытаются оправдать свое малодушие и измену, утверждая, что фашизм — как это раньше говорили о войне — приведет, в конечном итоге, к революции.

Конечно, мировая война и последовавший в результате ее мир есть нелепость, как реально были все предшествовавшие войны, все побойща и великие движения народов. Фашистская дубина реальна, не менее, чем пресловутый "австрийский скинтр", который в действительности, однако, — "не правил Италией"....

Весь тот гнет, все бедствия, все преступления, ненависть и рознь, которые раз'единяют и принижают человечество — все это, без сомнения, слишком реально.

Следует ли, однако, принять все это и подчиниться всему безусловно, ибо такова историческая ситуация, predeterminedная и созревшая веками?

Вся история человеческого прогресса является собой непрерывную борьбу против реальностей естественных и социальных. И нас, в свою очередь, поскольку мы стремимся к наибольшему прогрессу, к наибольшему общему благосостоянию, осаждают со всех сторон, подавляет эта враждебная реальность, с которой нам приходится ожесточенно бороться. Но чтобы преодолеть ее, мы должны ее знать и с ней считаться.

Торжество анархии — или, по крайней мере, известный шаг вперед на пути к этому торжеству — возможен лишь в том случае, если мы будем представлять себе ее не только как бесконечно-далекий, освещающий и манящий идеал (*comme un phare lumineuse, qui es-laire et attire*), но и как нечто достижимое, осуществимое не по истечении веков, а в сравнительно короткое время, и притом без вмешательства какого-либо социального "чужда".

От сего времени мы — анархисты — уделяем очень много внимания идеалу. Мы критиковали все заблуждения, все ошибочные, ложные идеи, все социальные институты, которые разлагают и угнетают человечество; мы описывали как только могли поэтически и красноречи-

во это вожделенное гармоническое общество, покоящееся на доброте и любви — но нужно сознаться, что мы очень мало задумывались над вопросом о тех путях, которые могли бы привести нас к осуществлению этого прекрасного идеала.

Признав необходимость революционного — или, вернее, бунтарского движения, которое должно сокрушить материальные препятствия, т. е. политическую власть и концентрацию орудий производства, противостоящие нашей пропаганде и проведению наших начинаний — мы пришли к заключению, что все остальное "приложится", "образуется" и уладится само собой, без заранее предначертанного плана, естественно и непроизвольно. На самые серьезные возражения мы отвечаем абстрактными формулами, с оптимизмом, который противоречил как актуальным, так и предусматриваемым в будущем фактам. В общем мы разрешили все вопросы исходя из того совершенно беспочвенного предположения, что вся и все пожелают именно того, чего желаем и мы, и все устроится в точности согласно этим желаниям.

— "Всякое правительство — зло? прекрасно! — Мы уничтожим все правительства и не допустим учреждения новых!" — Но каким образом, с помощью каких сил? — "Об этом позаботится народ или пролетариат!" — А если он не позаботится об этом?..

— "Каждый поступит так, как найдет нужным"... Но если эти "каждые", образующие в массе своей толпу, пожелают как раз обратное тому, к чему мы стремимся, если они станут послушным орудием в руках тирана, который воспользуется им против нас?

Что если крестьяне откажутся доставлять продовольствие в города? — "Крестьяне не так глупы, они поспешат вывезти свои запасы на городские рынки, чтобы получить взамен необходимые им предметы — ...или обещание этих предметов, которые должны быть еще предварительно произведены, в весьма неопределенном и гадательном будущем".

Что если массы не пожелают работать? — "Труд есть наслаждение, и никто не захочет лишиться себя этого удовольствия".

Что будет, наконец, если найдутся преступники, которые посягнут на свободу и жизнь своих близких? — "Преступников больше не будет"!...

И так далее; на все вопросы мы отвечали совершенно голословными утверждениями и отрицаниями, мы отвергали вероятность всего дурного, и были уверены, вместе с тем, что все хорошее должно неизбежно осуществиться.

Некоторые энтузиасты, предвосхищая, в пылу увлечения, на несколько веков те результаты, каких можно ожидать от систематического социального воспитания, отбора и совершенствования лучших элементов, полагают даже, что в первый же день после победоносного восстания все человечество окажется состоящим исключительно из интеллигентных, добрых, сильных и прекрасных людей.

В действительности мы все время вращаемся в так называемом "порочном кругу". В то время, как с одной стороны мы утверждаем, что моральное раскрепощение масс невозможно, откуда сохраняются настоящие условия политического и экономического рабства, с другой стороны мы предполагаем, что события разовьются в таком направлении, как если бы эти самые массы в большинстве своем состояли из вполне сознательных и высоко развитых индивидов, обещающих ревностно собственную свободу, и чтущих в такой же степени свободу других. Заявляя вполне справедливо, что анархия, как воплощение свободы, не может быть навязана обществу силой — что было бы абсурдом — мы не позаботились, вместе с тем, принять свои меры к тому, чтобы другие не могли навязывать нам своей воли. Чего нам недостает, в общем — это практически приложимой программы, того "завтра", которое последует за победоносным восстанием. Не насилью ничьей свободы, эта программа должна давать нам возможность осуществить, или приступить к осуществлению наших идей; силой доброго примера и очевидным превосходством наших методов она должна привлечь к нам широкие массы.

Именно ввиду отсутствия такой программы та часть народа, которая жаждет раскрепощения, и которой предстоит творить новую исто-

рию, не поняла нас и устремилась в сторону деспотического авторитарного коммунизма или вырождающегося синдикализма.

Вот почему при самых, казалось бы, благоприятных обстоятельствах мы оказываемся бесильными.

От этого бессилия пора исцелиться, дабы первый же удобный момент — а в них недостатка не будет — не застал нас врасплох.

К выработке этой практической, непосредственно приложимой программы, призываем мы наших друзей.

АНАРХИЗМ И СКЕПТИЦИЗМ.

В одном из анархических журналов ("Анархический Вестник" № 3—4) появилась статья Волина ("О синтезе"), которую нельзя, по нашему мнению, обойти молчанием. Если бы эта статья была написана кем либо из наших идейных противников и напечатана была бы в каком либо "толстом" журнале, об этой статье можно было бы и не разговаривать. Поскольку же эта статья написана человеком серьезным, известным в анархических кругах, поскольку в этой статье подвергаются своеобразной критике не только анархические принципы и идеалы, но и важнейшие вопросы философии (этики и гносеологии), постольку мы и считаем необходимым подвергнуть некоторому анализу основные положения этой статьи.

Прежде всего следует указать на то, что для автора этой статьи не существует тех понятий, которые мы называем вечными. Все временно, — думает он, — все преходяще. Эту мысль блестяще развивали некогда древние греки. Преходящи были, по их мнению, даже боги Олимпа, о чем так ярко свидетельствует греческая мифология. Но все же и у греков, так не любивших ничего вечного и постоянного, встречаются некоторые понятия, которые слишком незело было бы называть временными, случайными и преходящими. Одним из этих величайших начал и понятий являлось в греческом сознании понятие вселенной и всемогущей Судьбы. На той же точке зрения стоял и Гераклит Эфесский, мысли которого, (не упоминая об этом), так вдохновенно излагает наш уважаемый автор. Ему враждебна, очевидно, великая мудрость Египта, враждебны все величественные пирамиды, от которых веет каким то дыханием

Вечности, враждебен также образ Сфинкса, взоры которого устремлены к Небу, враждебна также вся Египетская культура, в которую воплотил, как иногда нам кажется, какой то "теологический демон" всю безконечность нашего Бытия. Не менее близок ему, повидимому, и философский гений Древней Греции, зовущий нас к какому то великому Преображению, к новой вселенской культуре. Ему враждебно все постыльное и безконечное. Нет, с его точки зрения, даже и таких понятий, как вечные понятия Истины и Справедливости. Нет точно также ничего достоверного в нашем познании. Все изменчиво и относительно.

"Мы на каждом шагу забываем, — пишет автор, — о постоянном моменте движения и изменения; забываем о том, что статической истины нет, что "panta rei" (все течет), что жизнь и истина — динамичны. Обычно, мы совершенно не принимаем в учет этого огромного фактора — непрерывной динамичности жизни и истины. Между тем, подобно тому, как ошибкой было бы принимать данную форму движения амебы за ее постоянную форму, так и с существом истины: то, что только сейчас было, или могло быть истиной, — через минуту уже не есть истина". Пронсходит, таким образом, "вечное, непрерывное движение, изменение, преобразование. Следовательно, устойчивой, постоянной, определенной истины нет; вернее если и существует общад, целостная истина, то основным ее свойством является постоянное ее движение и видоизменение, постоянное перемещение всех сопоставляющих ее элементов".

То же самое говорил некогда и Гераклит Эфесский. "Нет ничего постоянного. Каждая

вещь существует и вместе с тем не существует. Все протекает, — говорил он печально, — все идет и ничего не останавливается“. Для появления своих оригинальных мыслей, он приводит нам следующий пример: "нельзя, — говорит он, — погрузиться два раза в одну и ту же реку; во второй раз вода будет уже другая: она расходится и вновь собирается, ищет и погидает нас, приближается и удаляется“. Мы и сами непостоянны, как эта речная вода: "мы существуем и не существуем“.

Нельзя, поэтому говорить о жизни, как о некоторой неподвижной сущности. Нельзя точно также говорить нам о каком либо понятии, о том или ином проявлении жизни, как о чем то самостоятельном, самодовлеющем и постоянном. Через мгновение все изменяется, все принимает новые формы, становится чем то другим. Основным принципом вселенной является таким образом вечное становление и изменение. "Бытие есть лишь единство вечного движения“. Итак, философия Гераклита сводится к двум положениям: к вечному непостоянству и к постоянству этого непостоянства.

Каким же образом рождается в этом космическом потоке великая мировая гармония, эта по выражению Лейбница, "harmonia praestabilita"? Каким образом преодолела эта гармония стихийный изначальный хаос? — Соединение противоречий, — по мнению Гераклита, — создает гармонию. В потоке вечного становления жизни происходит борьба противоположных сил: сил разрушающих и созидающих. Заметим, кстати, что эти же мысли, еще до Гераклита, были блестяще выражены в религиозно-философском сознании индусов. По космогонии индусов, Брахма (высшее Божество) является творцом всего сущего. Все это сущее не знает смерти и разрушения. Но рядом с ним возник и разрушитель Шива. "Шива изсушает листья, благодаря ему стареет юность, реки поглощаются в морях, проходят годы. Если бы этого бога Смерти предложить самому себе, то мир сейчас исчез бы; другая сила спасает мир, бог спаситель Вишну". Таким образом, Брахма, Шива и Вишну, представляющие собою созидание, разрушение и возрождение, и образуют гармонию мира. То-

чно также и у Гераклита эта гармония вытекает из противоречий, враждебных друг другу начал: начал созидания и разрушения.

Само собою разумеется, что для этой гармонии недостаточно слепой игры стихийных сил. В подобном случае это была бы не гармония, а какой-то бесконечный хаос, являющийся Бытием и вместе с тем Небытием. Но для Гераклита, также, как и для индусов, есть некая Высшая Сила, которая и претворяет этот космический мир в какую-то великую гармонию и симметрию, в какую то божественную музыку. Высшая Сила для Гераклита — это "божественный огонь, огонь разумный и живой; этот огонь и управляет, — по его мнению, — всеми вещами“. Для него существует, следовательно, некая Высшая Сущность, некая непреходящая мировая субстанция, лежащая за пределами всякой космической эволюции. "Все преходящее", — говорил Гераклит, но Платон отвечал ему: "да, все преходящее; не преходящее только мое мыслящее Я" и, можем добавить мы, не преходяща также эта субстанция, этот божественный огонь, этот космический Логос.

Теперь перед нами возникает вопрос чисто гносеологического характера, как возникает он и перед нашим автором. Достоверны ли наши суждения о мире, достоверны ли наши познания? На все эти "проклятые вопросы" он отвечает отрицательно, не подозревая, повидимому, того, что этим отрицанием автор приводит все свои мысли и утверждения просто к логическому абсурду. Спрашивается: какое же суждение мы можем иметь о мировом процессе, об этой великой "небесной механике", если наше познание мы не считаем достоверным?

Если бы автор повторял мысли Гераклита и в области познавательной, тогда его теория познания не представляла бы собой того агностицизма, который преподносит нам автор в качестве какого то... знания. Преподносит незнание в качестве какой то познавательной системы. Можно, конечно, не соглашаться с Гераклитом в его суждениях о познании, но все же следует сознаться, что его гносеологическая точка зрения вполне соответствует всей его философской системе и не приводит нас к подобному абсурду.

Все преходящее, — по его мнению, — все относительно. Не относительно только мое познание в этой относительности, ибо оно является предвечной эманацией той мировой субстанции, субстанции разумной и божественной, которая и является по Гераклиту, мировую Душою, мировым Разумом. Ему имманентно, таким образом, познание космическое, которое нельзя также и по мнению Платона считать недостоверным и относительным. Это познание — абсолютно. Поэтому, быть может, гносеологическая проблема и занимает в учении Гераклита самое последнее место.

Подобную точку зрения не мог, повидимому, защищать автор в силу своих материалистических верований и убеждений. Нет, очевидно, для него никаких трансцендентных познавательных начал в нашей душевной деятельности, но всякое познание является, повидимому, какой то "особой функцией нашей материальной сущности", подтвержденной всевозможным эволюционным и инволюционным процессам. Может ли, таким образом, человеческое познание, созданное материей, быть достоверным и абсолютным, когда причина, порождающая это познание, так безконечно изменчива и относительна?

К этой точке зрения пришел и наш уважаемый автор. Не смотря на то, что, развивая учение Гераклита, он утверждал некоторое "подлинное бытие вещей", тем не менее, он говорит нам далее, что "мы не знаем подлинной жизни, мы не знаем истины" ибо "средства нашего познания слишком несовершенны". "В качестве примера из области познания, — говорит он также, — достаточно указать на постоянное крушение одних теорий и замену их новыми", ссылаясь, в частности, и на "теорию относительности" Эйнштейна. "Единственное, что я знаю непосредственно, — повторяет он мысли Декарта, — это — что я существую ("cogito, ergo sum"), и что вне меня существует какая то реальность". Но и в этом отношении автор, к своему трагизму, не идет дальше вслед за Декартом (и всей картезианской школой), но возвращается со своими сомнениями, со своим ограниченным, недостоверным познанием к древним софистам и скептикам, для которых подоб-

ные же сомнения были целью познания. Для Декарта же всякое незнание было средством и методом знания. Возвратимся же и мы, вместе с автором, к этой классической философии незнания и неведения; не станем ли и мы тогда, как это делает автор статьи, преподносить людям наше незнание, наши сомнения утверждая их в качестве истинного знания?

В качестве реакции против механических и динамических теорий ионийских философов, а в частности и против выдающегося учения пифагорейцев, была элеатская школа. Так, например, одним из выдающихся представителей этой школы, Зеноном (из Элен), проповедывалась (в противоположность гераклитовской динамичности) абсолютная статичность Бытия. "Движение относительно, — говорит Зенон, — и существует лишь в воображении". Не существует для него также и гераклитовских изменений. "Изменяться, — говорит он, — значит, не быть ни тем чем был, ни тем, чем будешь". Быть в состоянии вечного изменения, это значит быть чем-то и вместе с тем ничем. Недопустимо, с его точки зрения, всякое движение, как некоторая действительность. Всякое движение есть только кажущееся явление. Для подтверждения своих мыслей Зенон приводит нам следующие аргументы:

"Летающая стрела неподвижна. В месте, где она в данный момент находится, она не движется, ибо теперь в нем пребывает; она не движется и в другом месте, ибо в нем ее еще нет. Где же она движется? Нигде. Она неподвижна во всякой точке в данный момент времени, и кажущееся движение ее на самом деле есть ряд состояний покоя".

Бытие, таким образом, по Гераклиту, является "огненным океаном", находящимся в вечном движении, элеатам же (главным образом Зенону) оно представляется каким то ледяным океаном, навеки застывшим.

Что же касается софистов и скептиков, то эти школы ушли еще дальше в своих сомнениях и отрицаниях. Но эти сомнения и отрицания относились больше всего к сфере этических и онтологических проблем. Когда различные философские школы Греции пришли к противоречи-

вым выводам и происходившая между ними борьба (особенно в Афинах) уничтожила понятие абсолютной истины, софисты (Протагор, Горгий) заключили отсюда, что "все **верно** для того, кто умеет доказывать, или же, что **нет ничего верного**". Добро и зло перестают ими различаться, подобно истине и лжи. Абсолютное изгоняется из всякой политики и морали. Пользуясь выводами пифагорейского сенсуализма, Протагор, в своей книге об "Истине" развивает свое учение следующим образом: "Человек есть мерило всего существующего по способу его существования; он же есть мерило и всего несуществующего по способу его несуществования".

Пиррон, ученик мегарской школы, занимался у нее способ разсматривать все "с двух противоположных точек зрения" и, в конце концов, стал сомневаться во всем. Он ничего не утверждает. Основное положение его суть следующее: "одно настолько же верно, насколько и другое". Теоретическая мудрость, по мнению Пиррона, состоит "в воздержании от суждений". Добро и зло, богатство и бедность, здоровье и болезнь, юность и старость — понятия суть равнозначущие. Необходимо только достигнуть для этого той величайшей мудрости, которую является "невозмутимое состояние духа и полная атараксия".

Новая академия представляет собою еще большую реакцию скептицизма против всех положительных учений, а в частности и против эпикуреизма и стоицизма. Глава этой школы, Аркисей, не довольствовался тем, что говорил, как Сократ: "Я знаю, что ничего не знаю", но прибавлял к этому следующее: "даже этого я не знаю наверное". "Ни чувства, ни разум не могут, по его мнению, познать абсолютно реального". В теории необходимо поэтому воздержаться от суждений, а на практике нужно довольствоваться **вероятным**. Аркисей проповедует подобное же учение, стараясь доказывать и **pro** и **contra**. Вполне понятно, следовательно, почему он произносит в один день (в Риме) речь в защиту справедливости, а на другой день говорит в защиту несправедливости.

Мы видим, таким образом, что для софистов, скептиков, пробабилистов (Аркисей) нет

ничего абсолютного, нет ничего верного. Он сомневается в своем познании. Не сомневается он только в своих сомнениях. Обманчив для него сенсуализм, не убедителен и рационализм, чем то подозрительным кажется критицизм и неприемлемым, конечно, феноменализм, как некоторая "метафизика"; об интуиции Бергсона, о "религиозном опыте" Джемса уже и говорить, конечно, не приходится. Являясь в этом отношении скептиком и софистом он утверждает то, что отрицает и отрицает то, что утверждает. В одном месте он говорит нам, что вне его "существует какая то реальность", в другом же месте он называет эту **реальность** своим **представлением**. "Мир может быть для нас только нашим о нем представлением". Здесь отрицается уже и гносеологический скептицизм, который до сих пор был более близок автору, и утверждается уже особый род солипсизма или... спиритуализма. "Реальность, — говорят нам солипсисты, — составляю я с присущими мне свойствами сознания". "Существуют, — мог бы сказать нам спиритуалист Беркли, — только души, а весь видимый мир является их представлением".

Мы видим, таким образом, что этот автор вошел в какой то заколдованный круг, в какой то лабиринт понятий, из которого, надо думать, никогда не выведет его его-же собственная философия.

В нашу задачу не входит в данном случае даже самый поверхностный анализ гносеологических учений. Нельзя писать об этом в рамках газетной статьи. Сейчас же мы постараемся сделать только некоторые выводы из этого скептицизма и агностицизма.

После того, когда мы рассмотрим основные космологические (гераклитовские) и гносеологические (скептиков и софистов) предпосылки мирозерцания автора, нам кажется сейчас даже совсем неуместным следующий вопрос: "Что есть истина?" Этот вопрос и делает нашего автора несколько "оригинальным". Мы знаем, что для софистов и скептиков всякая истина есть мертвое понятие, всякая истина есть ничто. Что же является истиной для нашего автора?

"Истина, — говорит он нам, — есть, в сущности, великое существующее Все: то, что

в действительности есть. Познать истину, значит познать то, что есть. Жизнь и истина — это синонимы. "Как и жизнь, истина неделима. Истина (как и жизнь) это — великое Все. Познать те или иные части истины еще не значит познать истину. Познать истину — значит, в сущности, познать всю вселенную — все бытие, всю жизнь, все ее пути, силы, законы и устремления... Но познать то, что есть, — говорит он также, — познать подлинную правду вещей ("вещь в себе") — представляется ныне, то многим соображениям (!), невозможным, и едва ли когда либо станет возможно".

Итак, мы знаем, что есть истина. Истина — это великое Все. Этот ответ, конечно, нам ничего не говорит и ничего не доказывает. Так отвечают (все, ничего) только дети. Ответить так — это значит ничего не ответить. Если Все является правдой и истиной, значит, необходимо тогда и оправдывать все то, что есть. Необходимо в этом случае стать целиком на точку зрения Гегеля и оправдать все существующее в нашем суетном мире. "Все существующее разумно, — по Гегелю, — и все разумное существует". Поскольку истина не является для автора некоторой суммой этических норм и эмоций, а является чем то реальным, является Всем, постольку он и должен оправдывать все существующее зло и всю несправедливость. Необходимо в этом случае оправдывать все ужасы и злодеяния, творящиеся на земле и называть их Истиной. Неужели автор не знает того, что не сами по себе вещи являются Истиной, а только их существование является истинным, т. е. реальным. Все существует, таким образом, но не все является Истиной. Все существует, но не все разумно. Впрочем, возможно ли говорить даже об Истине, если она является этим великим Всем, а то великое Все есть ни то, ни другое, а только бесконечный поток становления, какого то временного бытия? Об этом вспомнил, кажется, и автор и начинает отказываться уже от всякой возможности знания истины.

Здесь он становится уже на точку зрения крайнего фатализма, преклоняясь перед "великоленной, но односторонней" теорией "исторического материализма", и говорит нам следую-

щее. "Мы не знаем этой подлинной жизни, мы не знаем истины"... Мы не знаем подлинной истины, объективной правды вещей. Мы не только до сих пор не раскрыли истину, но даже не знаем, откроем ли ее когда нибудь". "Жизнь — в ее целом — для нас загадка, великая тайна". "Объять вселенную, — говорит автор печально, — познать жизнь и постичь ее смысл представляется в настоящее время (!) невозможным и, пожалуй, никогда возможным не станет". Очень смешно становится, конечно, в то время, когда человек, достаточно серьезный (*homo sapiens*) пишет серьезную статью, строит некоторую "систему" и говорит нам, что "в настоящее время" "по многим соображениям" невозможно узнать ни того ни другого. Нельзя в таком случае, — сказали бы мы, — браться за перо и играть так легкомысленно всевозможными словами и понятиями, разставляя их в определенном грамматическом порядке.

Вместо знания истины, вместо незнания этой истины, автор преподносит нам, в конце концов, кое-какие знания о ней. Он говорит нам далее, что не самую истину, но нечто похожее на истину мы знаем. "Мы знаем кое что" об истине. "Мы ищем истину" Вот это искание и есть нечто похожее на истину. Мы ищем эту истину "веками, тысячелетиями. Ищем упорно, напряженно, мучительно". Какую же часть истины нашел в своих исканиях наш автор? — Частицей этой истины является — по его мнению, — "некий великий синтез" жизни. Он знает точно также, что этот синтез есть синтез "вечно движущийся, вечно меняющийся". "Сам синтез не неподвижен"; не неподвижны, следовательно, и эти частицы истины. Всякая истина (даже частица ее) является поэтому чем то неуловимым. Мы приближаемся к ней, она же удаляется от нас: она становится чем то другим. И так до бесконечности. Поток жизни уносит от нас эту истину и наша погоня за нею, наше искание ее, оказывается чем-то бесплодным и бессмысленным. Для того, чтобы познать, постигнуть эту истину, необходимо было бы, с этой точки зрения, остановить хотя бы на мгновение весь мировой поток, как думал, по преданию, Иисус Навин остановить некогда солнце. Следо-

вательно, не искать нужно истину, а создавать ее. "Если бы ты исходил даже все пути, — писали мы в другом месте, — какие только могут быть перед тобою, все же ты не найдешь того, чего ищешь, ибо Истина и Справедливость живут в самом тебе, в глубине твоего духа". ("Мгновения вечности". Диалоги.).

Говоря о синтезе жизни, автор не говорит нам, однако, какой здесь происходит синтез, и что является для него тезисом и антитезисом. Вполне логично построена в этом отношении система Гегеля, одну частицу которой и хочется, развивать автору. Он забывает, очевидно, что жизнь есть не только "некий" синтез, но и некий великий анализ. Если слово "синтез" он понимает в смысле нового творчества и созидания (во вселенной), в смысле какого-то качественного улучшения материи, то эта точка зрения является в данном случае каким то недоразумением. Наряду с законом сохранения энергии существует, ведь, в естествознании и закон энтропии, или обеззнения энергии. "Количество ее остается прежним, но ценность ее для нас исчезает. Это происходит по тому, что всякая энергия склонна переходить в тепловую (химическая — электрическая — кинетическая — тепловая), а теплота может распределяться только в одном направлении: от более теплого тела к более холодному, но не обратно". Когда вся мировая энергия перейдет данным образом в теплоту, а последняя повсюду равномерно распределится, то в мире прекратится всякое доступное восприятию движение, всякая физически выражающаяся жизнь. "Материя, согласно принципу энтропии, стремится к вечному успокоению".

Можно ли после этого отыскивать истину в мире физическом, как это делает автор статьи? И неужели он способен думать, что истина есть нечто реальное, нечто физическое, какойнибудь "кусочек жизни", или же целая жизнь, именуемая Всем?

Мы видели, что в мире физическом нет и не может быть никакой истины, нет ни добра, ни зла. Материя не знает нравственных норм и, как таковая, не может быть доброй и злой. Сама по себе, она не может быть разумной и неразумной. Все же эти понятия относятся, следо-

вательно, к категориям духовного порядка, к миру трансцендентальному. Нельзя поэтому искать истину, как это делает автор статьи, а нужно создавать ее, как создали мы и другие этические и эстетические ценности. Если же мы будем искать ее, мы никогда ее не найдем. Ведь только в этом случае мы будем оправдывать и утверждать нашу свободу воли, которую, повидимому, автор отрицает. В мире физическом господствуют ведь всюду законы причинности и необходимости, железные законы детерминизма, не совместимые ни в коем случае с основными предпосылками идеалистической анархической мысли и философии. И мыслимо ли после этого великую гетерогенную духовную структуру человечества вложить в рамки какого то нелепого "синтеза"?

Что же касается области чисто социологической, то в качестве этого синтеза автор преподносит нам типичнейший эклектизм, о котором не стоит, по нашему мнению, и разговаривать.

Не похож ли после этого автор статьи на того человека, "который строит свой дом на песке". Если автор вошел в этот заколдованный круг только по своей философской необразованности, тогда, быть может, он и сумеет выбраться когда нибудь из этого проклятого места. Если же он думает сознательно внести некоторое "разложение" в анархическую мысль, проповедуя свой синтез и свое незнание (что мог бы сделать самый жестокий враг анархической философии творчества и утверждения), то и этой цели ему не достигнуть. Если же он проповедует свое "учение" в качестве чего то искреннего и серьезного, то как похож он на того человека, о котором говорит в том же журнале его соотечественник, цитируя слова индусской писательницы Ананды Кумарасвами:

"Тот, кто не знает, к какому пункту плыть, не знает и того, какой ветер ему попутен, какой нет".

Анархисты же знают, что "истинный абсолют — это, по выражению Фихте, понятие нравственное, и что истинно абсолютного следует искать не в том, что существует, а в том, что должно существовать".

Ангильские острова. Март, 1924. Дельта.

ВЗАИМНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И СОЛИДАРНОСТЬ В БОРЬБЕ РАБОЧЕГО КЛАССА.

М. Неттлау.

В этой статье, я хочу поднять важный вопрос о некоторых новых видах и формах борьбы в рабочем движении. На данный вопрос, насколько мне известно самому и приходилось слышать от других, до сих пор было обращено недостаточно внимания. А между тем желательно, чтобы анархисты обсудили его тщательно и высказались бы, в какой мере здесь предлагаемые способы целесообразны для достижения полного освобождения, и стоит ли нам, анархистам, защищать их.

По моему убеждению, рабочее движение развивается очень медленно. Мрак невежества и застарелые предубеждения народных масс так еще всеспыльны, что самые ясные мысли и до наглядности простые истины, легко доступные каждому из нас, остаются чуждыми и недоступными громадному большинству; сомнительно даже, чтобы народные массы могли усвоить их без фактического их применения к действительной жизни. Даже в странах, где эти применения к жизни до известной степени осуществлены, где экономическая солидарность рабочих доказана не на словах, а действительной материальной выгодой, хотя и не очень значительной — как, например, в трэд-юнионах (английских рабочих союзах) и в кооперации, — массы народные до сих пор остаются чуждыми им, несмотря на целое столетие пропаганды и агитации.

Верен или нет этот пессимизм, во всяком случае он вызывает полезное стремление найти новые приемы для большего усиления борьбы пролетариата, и уже были предлагаемы, даже пробовались за последние годы, некоторые виды такой борьбы. Так, например, делаются попытки организовать всеобщую стачку, стачку военных, международную стачку рудокопов, устраивать массовые походы рабочих без работы и стачечников на столицы, как то было несколько лет тому назад в Соединенных Штатах и в последнее время во Франции; некоторыми французами предлагается саботаж, или медленная и плохая работа, "go canny" ("работай исподволь"), как

выражаются англичане. С другой стороны, пытаются воспользоваться существующими рабочими организациями для непосредственного экономического осуществления солидарности, как то видно в нескольких устроенных кооперативных колониях, в совместном действии потребительных обществ и трэд-юнионов, в устройстве "бирж труда" для прямого обмена продуктов вольного труда на американской системе.

С своей стороны, и я беру на себя смелость указать еще на некоторые приемы действия, по отношению к которым анархистам следует держаться той же тактики, какой они держатся относительно выше перечисленных; а именно, содействовать им на деле, но — сохраняя в чистоте пропаганду наших принципов и социального строя, основанного на свободе личности в свободном обществе.

Одновременно с пропагандой анархистических идей и истинно революционной борьбы, следовало бы всеми силами пробудить в народе сознание свободы и личного достоинства, взаимной солидарности и желание жить согласно этому сознанию. Особенно важно, чтобы люди сознали, как тесно связаны между собою эти начала. Без такого сознания, свобода и личное достоинство, истолкованные поверхностно, могут породить личную деятельность исключительно ради своей индивидуальной выгоды, даже в ущерб товарищам; а что касается до взаимной солидарности без свободы и личного достоинства, то современный строй, с его возмутительными учреждениями, с его конкуренцией, патриотизмом, с религией, политическими партиями и прочее, есть тоже плод компактного единства большинства невежественных масс. Поэтому, полное и сознательное представление о неотделимости свободы от солидарности становится обязательным, особенно в виду того, что люди с подобным передовым пониманием, конечно, будут восприимчивее к нашим воззрениям.

Мне кажется, это положение может быть принято за основное, за своего рода пробный ка-

мень при выборе средств и приемов действия, при чем последние должны быть, по возможности приспособляемы к нему.

Но прежде чем приступить к изложению моего доклада, мне следует оговориться по двум пунктам, в которых, мне кажется, я немножко еретик относительно господствующих экономических воззрений, — во всяком случае, относительно обычных доводов, употребляемых в агитации. Мои последующие выводы основаны на этих двух пунктах.

Первый пункт касается так называемой публики, значение которой в рабочем движении, по моему, было мало оцениваемо. Члены данного ремесла организованы и упорно борются за улучшение их экономического положения; то же самое делают хозяева, которые могут быть вынуждены на уступки труду удачными стачками, или единодушным и сильным трэд-юнионом. Но потребители продуктов ремесла, обыкновенно, вовсе не организованы и не делают ничего для ограждения своих интересов потребителей, для получения лучших продуктов по наименьшей их стоимости. Вследствие этого, капиталисты стараются, да и успевают, вернуть всю сумму, уступленную ими труду, усиленную эксплуатацией неорганизованного потребителя. Как известно, рабоче ни мало не думают о публике и ее интересах в ее борьбе с капиталом, а это неизбежно ведет либо к повышению цен на продукты, либо к ухудшению их достоинства. Таким образом, публика платит из своего кармана капитализму всю ту сумму, которая бывает вырвана у него борющимися рабочими.

А из кого, спрашивается, состоит публика? — Из потребителей, конечно. Одна часть их состоит из людей достаточных и богатых, для которых повышение цен на продукты имеет малое значение, и мы в нашем анализе, можем оставить их в стороне. Другую и гораздо более многочисленную часть составляют люди малых достатков и бедняки. Для них повышение цен означает лишения, обрезывания расходов, а часто и обеднение. Многие из них, убежденные социалисты и анархисты, с удовольствием несут возросшее бремя, зная, что оно есть результат успеха товарищей рабочих; другие готовы тер-

петь это повышение по чувству солидарности и по любви к справедливости: не даром мы возлагаем все наши надежды на лучшее и светлое будущее. Но было бы большой ошибкой предполагать, что и та часть народных масс, да которой не коснулись ни прогрессивные идеи, ни возвышенные чувства, питает в этом случае симпатию к организованному труду. Если бы этой массе не были чужды прогрессивные идеи, — разве современный строй мог бы долго просуществовать! Их отсутствию я и приписываю, что масса не только остается безучастной к победам организованных рабочих, но, может, быть, встречает их даже враждебно. Вообразим себе, например, семейного черноработного, сочувствующего стачке углекопов и охотно подписывающего несколько пенсов на поддержку ее. Вряд ли его жена, которой приходится еле-еле сводить концы с концами по их грошовому хозяйству, будет вполне разделять его симпатию, так как при том же заработке мужа ей придется покупать уголь по очень возросшей цене. Если при этом между ними не будет прямого разлада, то особенного согласия тоже быть не может.

Таким образом, стачки этого рода в общем ничего не изменяют, экономически и нравственно, даже в случае победы стачечников. Денежная уступка хозяев взваливается на плечи потребителей и тяжелее всего чувствуется беднейшим из рабочих; и нравственный подъем духа у стачечников и их энтузиазм вполне уравновешивается сетованиями и глухой враждой действительных плательщиков вынужденных.

Поэтому, было бы хорошо и полезно найти средства заинтересовать большинство рабочего населения в материальных выгодах стачки, а не ограничиваться одной нравственной стороной дела. Раз заинтересованные материально потребители могут помочь стачке гораздо существеннее, чем сборами и симпатиями; они, как потребители, могут наложить бойкот на хозяев, — всемогущее средство в экономической борьбе.

Таков мой первый пункт.

Вторая моя ересь касается ответственности рабочих за исполняемую ими работу. Об этой ответственности до сих пор не было и речи.

Принято считать честным всякого, кто работает за жалованье, не разбирая, что именно он делает. Нет, кажется, такого низкого и презренного вида труда, который вызвал бы угрызение совести у людей, им занятых. Не говоря о возмутительном соперничестве людей всяких профессий и общественных положений, заявляющих желание занять место палача — разве не самое задушевное стремление многих стать в один прекрасный день полицейским? И не полицейских ли с солдатами откармливают простодушные кухарки и другие нищие духом? Английские солдаты, например, вербуемые добровольно, знают очень хорошо, что их назначение вовсе не "защита родины", на которую никто и не думает нападать, а что им придется усмирять — то бунт их бедных сограждан, то восстания плохо вооруженных дикарей, и что усмирять эти бунты и восстания им следует самым беспощадным и кровавым образом, дабы задушить их в зародыше и помешать им распространиться. И молодые люди без угрызения совести поступают добровольно на эту службу полицейского и палача, и никому не придет в голову постыдиться водить дружбу с солдатом. Точно так же никогда не бывало недостатка в сборщиках податей, арендных и квартирных денег, или в земельных агентах в Ирландии, ни в их судебных крючках и сутягах. А общественное мнение, падкое на разглагольствования о человечности и о цивилизации, как бы не замечает присутствия в нашей среде этих хищников, а если и вспоминает об них, то разве для того, чтобы пожалеть об них, как о невинных жертвах.

Но и этого мало. Названные хищники, в конце концов, считаются единицами или десятками, тогда как вредными ремеслами и производствами занято несравненно большее число людей, которых никто и не думает укорять в этом. Здесь я имею в виду громадное число рабочих, занятых постройкой скверных домов, выделкой плохой одежды, дурной пищи и так далее, и тем самым отравляющих жизнь и понижающих умственную деятельность и энергию организма их же собственных товарищей рабочих.

В самом деле, кто строит трущобы и — что еще хуже — кто их постоянно поддержива-

ет замазывая, подпирая, подкрашивая? Кто шьет скверное платье и приготовляет отвратительную пищу и напитки, — продукты покупаемые исключительно бедняками? И кто, в довершение всего, сбывает, навязывает их бедноте со всевозможными ухищрениями, с живыми уверениями и прямо обманом после того, как другие подмазали и подчистили их снаружи, лишь бы сбыть с рук? Все это продельвается взрослыми, добросовестными, хорошо организованными и всеми уважаемыми строителями, ткачами и приказчиками; хотя конечно, делают они это по приказанию и по требованию капиталистов, и единственно для их выгоды. По моему, особенно возмутительно тут то, — и я не нахожу этому факту оправдания — что до сих пор никто не только не пытался уничтожить это зло, но даже никому не приходило в голову изучить или хотя бы констатировать его.

А все, в сущности, сводится к давнишним оправданиям, что, мол, "моя хата с краю". Я обязан работать; у меня нет другого выбора". "Если не я, так кто-нибудь другой это сработает". "Мне от этого нет выгоды; и сам бы я рад работать над чем-нибудь действительно полезным". "Не моя в том вина; ответ на хозяине, приказавшем мне так работать".

По моему мнению, пока подобные лицемерные и грешные увертки будут признаваться правильными, все будет идти по старому, и лучшему, светлому будущему никогда не осуществиться. Согласно с этими взглядами, капиталистам всегда удастся иметь одну часть рабочих для угнетения другой половины. Капиталисты могут еще очень долго держать массы в умственном и нравственном унижении, в состоянии истощения, дряблости и неведения даже о существовании самых высших наслаждений жизнью: мрачная и подавляющая обстановка, отвратительное питание организма, ослабляя мозговую деятельность, мешают развитию энергии в массах. И все эти условия создаются самими же рабочими, непосредственно и лично страдающими от них вместе с другими. Как прямое убийство, хотя бы солдатами стачечников, так и косвенное убийство производством отвратительной пищи, ужасных жилищ и прочее, над чем работают

сами же потребители и чем они губят других рабочих, — и то и другое одинаково пагубно и должно быть признано таковым прежде всего, даже раньше, чем думать об общественной форме.

Это и есть то, что я разумею под ответственностью рабочих, за продукт их труда. Я даже прибавлю, что отсутствие подобного сознания о нравственной ответственности одинаково унижает как рабочих, так и их жертвы. Никто не станет отрицать, что полицейские и солдаты нравственно изуродованы их гнусным ремеслом охотников на людей, коварно убивающих издала. Я без стеснения заявляю, что то-же самое происходит с рабочими ремесла, занятых недобросовестным производством. Возьмем, например, водопроводчика, уверяющего всех и вся, что он чинит водопроводные и сточные трубы, хотя в действительности он и не думает об их починке; или возьмем приказчика, целый день навязывающего покупателю не тот товар, который нужен последнему, а тот, от которого он сам хочет избавить хозяина, потому ли, что товар залежался, или потому, что на нем выручается больше барыша. Не думаю, чтобы характер этих людей, как бы честны, трудолюбивы и добросердечны они ни были при начале, мог улучшиться от такой практики; вероятнее, что они станут скорее черствыми и равнодушными, чем чуткими и отзывчивыми. Точно также и толпы производителей продуктов низшего качества не могут быть заинтересованы в их собственном труде. А человек не может жить без интереса к своей работе, — без этого его способности глохнут, мозг тупеет и, в конце концов, он не будет в состоянии думать ни о свободе, ни о воцелении против несправедливости, а еще меньше об их выполнении. Сравнив подобных людей с описанными Вильямом Моррисом в "Возрождении Ремесла", Вести "ниоткуда" и других производствах станет ясно, что я хочу сказать.

Таким образом, каждый обречен быть жертвой указанного отношения к труду, как всякий, кто действует против интересов общества, рано или поздно становится жертвою своих собственных поступков. Всякий рабочий презирает шпионов и доносчиков; большинство из них

презирают заместителей стачечников; и до тех пор, пока не установится подобного же отношения ко всем, занятым производством вредным для общества, пагубным для их же собратьев рабочих, — до тех пор мало надежды на будущее.

Таково мое второе предварительное положение. Теперь я приступаю к моей основной мысли, в изложении которой я могу быть очень краток, благодаря этим вступительным объяснениям.

Мне хотелось бы найти приемы действия, облегчающие народу усвоение настоящих понятий о свободе, о человеческом достоинстве, солидарности и нераздельности их интересов, об их единстве.

Подобные приемы могут быть выработаны, если только что нами указанные два элемента будут как следует применяемы на деле; если будет признана необходимость заинтересовать экономическое общество (большинство все рабочие) в каждой стачке в такой мере, как в ней заинтересованы стачечники; и с другой стороны, если в рабочих будет пробуждено сознание ответственности перед обществом за характер и род ими исполняемой работы, и тем вызвана в них решимость не браться за вредящие человечеству производства.

Это возвысило бы чувство личного достоинства и самоуважения, чувство взаимной солидарности, и повело бы народные массы к желанной свободе, расположило бы их к восприятию нашей пропаганды, ибо в этом случае уже не будет существовать, как теперь, противоречия между идеалом и действительностью.

Практическое выполнение такой задачи, по моему, требует, чтобы рабочие, отказавшись выполнять работу, вредную для общества, в то же время выступали с объяснением к самому обществу, насколько оно обмануто, как страдают его интересы. Что же до сочувствующих стачке, то их долг звать общество на поддержку подобной стачки, защищающей его интересы, и стараться вызвать симпатию и организовать бойкот. Такая стачка будет прямым выигрышем и для общества, и для стачечников; если в ней кто по-

страдает, то, разумеется, капиталист, и на этот раз он пострадает фактически через понижение спроса, а стало быть прибыли. Конечно, этим еще не будет вырван с корнем существующий строй, как и вообще стачка не подрывает корней существующего порядка. Этого может достигнуть народ только решительным отказом работать на других, всенародной общей стачкой, социальной революцией. Но такой способ экономической борьбы может еще теснее связать рабочий класс; стачки потеряют их нынешний характер и станут делом общественным, и поддерживаться будут они не личными симпатиями отдельных лиц, в силу их идейной солидарности, как теперь, а в силу экономических общественных интересов.

На деле этот новый прием борьбы может принимать самые разнообразные формы. Липшь бы только он был усвоен трэд-юнионистами и социалистами; а потом в практических попытках недостатка не будет.

Если, например, организованные строительные ремесла решили бы, что ни один их член не приложит рук ни к поправке, ни к постройке зловонных лачуг и трущоб для бедных и если в то же время они обратятся к обществу с разоблачениями вредного и губительного характера этих построек в санитарном отношении, — то вопрос о здоровых жилищах для бедных в больших городах был бы поставлен на обсуждение и разрешение несравненно резче и энергичнее, чем то делается теперь комитетами, митингами, прессою и агитацией. Нечему тут удивляться, если до сих пор народ остается безучастным к агитации по этому вопросу. Они видят воочию, что все остается по прежнему; что их друзья и соседи, если они члены строительных ремесел, своими починками, заплатами и подмазываниями увековечивают существование грязных лачуг и притонов нищеты и заразы. А с другой стороны, мелкие торговцы и приказчики, быть может и сами-то живущие в этих лачугах, воздают лишь должное строителям, продавая им гнилую пищу и отравленные напитки. Одни других надуют и душат на пользу капитализму. Правда, иногда эти гнилые лачуги объявляются вредными рассадниками заразы, раздаются тре-

бования об их разрушении; но это, обыкновенно, происходит не по инициативе строивших и чинивших их, не по требованию их обитателей, а под давлением санитарных властей, старающихся оградить от опасности заразы, распространяемой этими логовищами бедноты, жилища богатых. У самих же жертв этой системы слишком ничтожно развито чувство личного достоинства и вполне отсутствует инициатива. Всеми силами надо стараться вызвать у них и то, и другое, и сознание о взаимной ответственности есть одно из средств для этого.

Пусть члены строительных ремесел Лондона решат не прикасаться ни одной рукой к бесчисленным гнилым лачугам Восточной и Южной части города. Одним этим решением был бы выдвинут на первый план не только вопрос о жилищах рабочих, но сразу был бы поставлен ребром вопрос о поземельной собственности и о лендлордах. Ответом публики на подобное решение было бы: "Долой наемную плату"! А приказчики могли бы помочь, отказавшись от дальнейшей продажи отвратительной, испорченной пищи. Это могло бы вызвать у обитателей бедных кварталов желание поближе взглянуть на дома богатых и попристальнее присмотреться к доставке пищи в гавани и доки. Во всяком случае, явилась бы некоторая возможность отделаться от гнуснейших сторон жизни бедных кварталов, — а это чего-нибудь да стоит! — тогда как строительные ремесла вполне бы вознаградили себя за свою стачку заработками на постройках новых хороших домов и в здоровой обстановке.

Так могли бы отказаться и ткачи производить дрянные сукна из старых лоскутьев и гнилой шерсти. Даже меньшинство из них, те, кто заняты наведением ворса и лоску на эти сукна, достигли бы кое-чего уже простым отказом и заявлением публике о причине своего решения.

То же самое относительно химической техники, с ее адом производства свинцовых белил и подобных продуктов. Тут уже сама работа убийственна для организма и никакими соболезнованиями и административными мерами делу нельзя помочь. Чтобы подобные мастерские

могли когданибудь запустеть, следует стыдом и презрением преследовать тех, кто продает себя и них на смерть. Их следует стыдить, потому что они поддерживают своим трудом существование подобных заведений; а пока последние будут существовать, они будут притягивать к себе новые жертвы, часто даже не понимающие всей вредности своей работы.

Разве приказчики не добились бы от хозяев многих из своих требований, если бы они решили, что лгать перед покупателем ради хозяйской выгоды унижительно для их человеческого достоинства? Конечно, публика в этом случае стала бы за приказчиков и бойкотировала бы лавочника с его лавкою и скверным товаром. При теперешнем же положении дела в торговле — публике трудно сочувствовать приказчикам и рабочим. Мы можем соболезновать об их долгом рабочем дне, можем добродушно переносить раннее закрытие лавок, но мы хорошо знаем, что все наши симпатии не помешают приказчику всучить нам гнилую пищу за свежую, если того потребует хозяин.

Одним словом, как потребители, мы не можем сочувствовать слугам капиталистов, а так как в обоих случаях большинство состоит из рабочих, то они и остаются разбитыми на два враждебных лагеря, объединить которые удастся только практическим осуществлением взаимной солидарности.

Убеждение и чувство — прекрасные вещи, но они далеко не во всех случаях пригодны для этой цели.

Приведенными примерами моя основная мысль более или менее выяснена, хотя она ими не исчерпывается. Я вполне сознаю всю трудность починя в этом деле, почему я и предлагаю на первое обсуждение вопрос о взаимной ответственности. Раз данная мысль усвоена, хотя бы и немногими, неминуемо появятся желающие осуществить ее, сначала, быть может, даже неподготовленные и неорганизованные для практического действия. Движение может начаться самой ничтожной мастерской, рабочие которой могут побросать свои инструменты и решительно отказать от продолжения вредного, противообщественного труда; или же оно может быть нача-

то обычным порядком — через решение конгрессов, и прочее. Во всяком случае, моя мысль является шагом вперед к альтруизму. Ведь мы презираем являющегося на работу во время стачки заместителя за его содействие хозяину, в борьбе против своих товарищей, за его противообщественный поступок. Почему же мы делаем исключение и допускаем другое отношение к другим родам противообщественных поступков, как вредная для общества работа и тому подобным? Если часть рабочих с первого раза не усвоит подобного отношения, пусть сама публика установит его и действует согласно с ним.

Все это может показаться жестоким безсердечием. Но перед вами только два выбора: или быть сентиментальными и, не слушая голоса рассудка, соболезновать всякому, прощать все и вся, проливать слезы над убитыми и ранеными солдатами, над потерпевшими полицейскими при выполнении их обязанностей; или же быть логичными, и в таком случае мириться с господствующим характером отношений разве только в виду неподготовленности общественного мнения, над выработкой которого мы и должны работать. Игнорировать или прямо отрицать принципы ответственности возможно только при поверхностном сентиментализме или же при такой степени нравственной дряблости, когда люди готовы свалить вину со своей головы на чужую, вместо того, чтобы смело вдуматься в истину, хотя бы и нежелательную. Нежелательной я называю ее потому, что она увеличивает нашу подготовительную работу социального переворота; но ведь настоящий переворот и не может совершиться, пока люди останутся при нынешних нравственных отношениях.

Из всего сказанного легко видеть, что я предлагаю две вещи: во-первых, развитие сознания ответственности; а во-вторых, применение этого сознания к организации, так сказать, общественных стачек в интересах всего общества, как то было указано выше. Если окажется, что подобные стачки неосуществимы; следует искать иных способов применения этого сознания ответственности, верного в своей основе и могущего влиять благотворно. По моему глубокому убеждению — наносить какой бы то ни было

вред своему ближнему по приказу капиталиста не прощительно никому, и оправдание, что "я-де только орудие", прямо постыдно. Все это под стать мирящимся с существующим общественным строем, довольным своим положением слепого орудия капитализма и порабитителей. Но те, кто отрицая современный строй, в то же время совершают подобного рода противообщественные поступки, являются, допустим, бессознательно, его пособниками, которым никогда не разбить его.

Мне хочется, чтобы люди стали прежде всего свободными умышленно; потом, чтобы они отказались от работ, способствующих развитию нищеты и укреплению современного порабощения, и тем самым вызвали бы в массах ту широкую волну взаимной симпатии и солидарности, которая станет самым могущественным связующим началом в дальнейшей борьбе.

Важность экономической борьбы, по моему, лучше ценится теми, кто сознает себя свободным и видит в свободе окружающих лучшую гарантию для своей собственной свободы. Если своим отказом работать на капиталиста они не положат конца современной системе, то, во всяком случае, они постараются не работать больше во вред себе подобным, не заботясь о том, отвечают ли последние немедленно взаимностью и солидарностью, а повинаясь в своем решении лишь голосу совести и чувству личного достоинства. Таков настоящий способ действия анархистов: "делай сам то, что ты хочешь, чтобы делали другие".

Люди, признающие политическое действие и власть, обыкновенно омывают руки от этого и всенародно провозглашают неизбежность вышеуказанного, чем они содействуют дальнейшему процветанию злоупотреблений, а вместе с тем — надеются, что кто-нибудь да совершит

то, чего они сами не могут или не хотят делать. Но мы, отвергнувшие эти софистические тонкости в политике, обязаны отвергнуть их и в области социальных отношений в самом широком смысле слова, а потому мы и выдвигаем на первое место требование об ответственности каждого в исполняемой им работе.

Оговорюсь еще, что при обсуждениях этого вопроса слово "нравственность" должно быть употреблено не в том смысле, будто бы я требую от рабочих быть нравственнее. Не в этом смысле я употребил его. Я желаю рабочим быть прежде всего свободными и полными сознанием своего личного достоинства, самоуважения; а тогда уже их собственное чувство подскажет им решение отказа от всякого противообщественного дела, как теперь они отказываются стать доносчиками и паршивыми хозяйскими затычками во время стачек. Легко говорить: прежде всего уничтожим капитализм и современный строй, а тогда уже рабочие приобретут эти качества. Но, спрашивается, кто будет разрушать современный строй, когда мнимый закон Маркса, что капиталисты современем поедят друг друга, нас больше не убаюкивает, как издавна убаюкивал социал-демократов?

В заключение повторяю, что у меня нет ни малейшего намерения уменьшать важность какого бы то ни было приема современной пропаганды; но мне было бы желательно, чтобы предлагаемый метод пропаганды был обсуждаем, особенно при встрече анархистов с трэд-юнионистами. Это может, в конце концов, повести к превращению борьбы с трэд-юнионистами из обыкновенной узко-ремесленной — в борьбу за общественное освобождение, что неминуемо вызвало бы симпатию всех свободных людей, которым дорога и свобода других.

ПЕРВОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ.

А. Карелин.

(Продолжение).

ШЕСТОЙ КОНГРЕСС ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Шестой (не признающий власти Главного Совета) конгресс Интернационала собрался в Женеве и продолжался с 1-го по 6-е сентября 1873-го года. На конгрессе присутствовали два делегата от английской федерации, 5 делегатов от бельгийской, 5 — от испанской, 4 — от итальянской, 5 — от французских секций, один — от Голландии, 10 — от Юрской федерации, причем двое из них представляли одновременно и французские организации. Берлинские социалы-лассальянцы прислали конгрессу выражающую сочувствие телеграмму. Из С. А. С. Шта-тов делегатов не было, но был прислан адрес, объявляющий о присоединении к конгрессу и были доставлены деньги для той доли расходов по устройству конгресса, которая приходилась на Америку. Были прочитаны письма группы социалистов-революционеров в Нью Йорке и федеративного американского совета, причем мысли и принципы этих организаций совпали с мыслями и принципами автономных секций Европы. П. Л. Лавров указывает, что на конгрессе были представлены 21 английская секция, 8 бельгийских федераций с многочисленными секциями, 270 местных испанских федераций (с 674 секциями), 4 голландских федерации, 14 секций Юры, к которым присоединились эльзасские секции, около ста итальянских секций и многочисленные французские секции.

Было решено, что каждая федерация имеет на конгрессе один голос, но что меньшинство секций, не согласное с мнением большинства своей федерации, имеет право записать свое мнение в протокол. Постановлено, что решения конгресса имеют силу не закона, а простого указания. Главный Совет был признан упраздненным.

В докладе комиссии о всеобщей забастовке, между прочим, значилось: "всеобщая забастовка есть не что иное, как социальная революция, потому что достаточно прекратить работу только

на 10 дней для того, чтобы современный порядок всецело разрушился"; Мангозт и Веррикен обещали, что бельгийцы признают всеобщую забастовку, как средство произвести революционное движение. Гальс заметил, что победоносная всеобщая забастовка должна быть международной и затем сказал ныне затасканную социал-демократическую фразу: — "всеобщая забастовка — всеобщее безумие". "Всеобщая забастовка, — говорил он, — неосуществима и она является абсурдом. Чтобы сделать всеобщую забастовку, надо сначала всюду организоваться для этой цели, а когда эта организация рабочих будет завершена, социальная революция будет сделана". Нечего и говорить, что русская всеобщая забастовка доказала несерьезность этой фразы.

Конгресс отказался высказаться по вопросу о всеобщей забастовке и предложил рабочим создать международную организацию рабочих союзов, опять таки настойчиво советуя заняться деятельной социалистической пропагандой.

Газеты Международного Товарищества не раз говорили о всеобщей забастовке. Еще 27-го марта 1869-го года, в журнале "Интернационал" писали: — "раз стачки распространяются, сближаются — это значит, что они близки к тому, чтобы сделаться всеобщей стачкой. Всеобщая же стачка, при господствующих теперь освободительных идеях, может кончиться не иначе, как великим переворотом, который переменит общественный строй". В Барселонском журнале "Революционная Солидарность" говорилось: "в назначенный день останавливается огромная машина труда: в коях нет более рабочих; фабрики и мастерские пусты; железнодорожные поезда останавливаются на всем протяжении рельс; улицы — без освещения; торговля — без почты; булочные без хлеба; мясные — без мяса. Весь народ на улицах и отвечает своим уничтоженным господам: — "я не возьмусь за работу, пока не будет реорганизована собственность, пока

орудия труда не будут в руках рабочих". Впоследствии французскими рабочими союзами — преемниками первого Интернационала — всеобщая забастовка рассматривалась, как пролог, как начало социальной революции.

На шестом конгрессе снова поднялся вопрос о рабочих умственного труда. Мантюэт предложил, чтобы журналисты, профессора и пр. организовывали свои секции отдельно от рабочих ручного труда. Веррикен указал, что никто из умственных рабочих не думает войти в профессиональные общества, но не понимает, зачем эти рабочие будут устраивать в Интернационале отдельные секции. Интересную речь сказал по этому вопросу Перрар: — "если вы оставите в Интернационале и буржуа и рабочих, то это повлечет за собою только ущерб для последних, так как более образованные буржуа приобретут в секциях известное влияние, которое всегда будет вредным для рабочих физического труда. Человек, который родился вне рабочей среды, который не знает, чем является мастер, чем является хозяин, не может понять стремлений тех, кому приходится жить жизнью наемника; буржуа всегда докажут, что рабочий ошибается. Я не хочу сказать умственным рабочим: — вы — парии, но я говорю, что их допущение в Интернационал будет причиной гибели для него. Наше Товарищество не страшно более буржуазии, потому что последняя увидела, что посредством умственных рабочих можно завладеть Интернационалом... Исходя из того, чему мы были свидетелями, мы вовсе не предлагаем изгнать умственных рабочих из Товарищества, но предлагаем сказать им: — организуйтесь в стороне, мы протянем вам руку, но для того, чтобы не подпасть под ваше влияние, для того, чтобы Интернационал не уклонился от своей цели, мы желая избежать разочарования, не хотим быть вместе с вами... Не будем больше спорить о слове "рабочий", то, чего нам не надо, — так это людей, которые много знают об этом и которые вводят нас в заблуждение своими прекрасными фразами".

Конгресс подчеркнул необходимость объединения рабочих и принял следующий устав Интернационала: из предисловия к старому уста-

ву были выброшены слова — "как средство", имевшиеся в английском и немецком тексте и было указано, что в данный момент речь идет о конгрессе, собравшемся в сентябре 1873-го года. После слов "нет обязанностей без прав и нет прав без обязанностей" (смотрите вышеприведенный текст предисловия к уставу) конгресс 1873-го года продолжает следующим образом: — "местные федерации, представленные на интернациональном конгрессе, собравшемся в Женеве 1-го сентября 1873-го года, вдохновляясь этой декларацией принципов, пересмотрели устав Международного Товарищества Рабочих и приняли его в следующем виде:

1-й §. Международное Товарищество Рабочих имеет своей целью осуществить союз рабочих всех стран на почве солидарности в борьбе труда против капитала, в борьбе, которая должна кончиться полным освобождением труда.

2-й §. Тот, кто принимает и защищает принципы Товарищества, может стать его членом под ответственностью секции, которая его примет.

3-й §. Составляющие Товарищество федерации и секции сохраняют свою полную автономию, т. е. право организоваться по своей воле, управлять своими собственными делами без какого либо внешнего вмешательства и сами определяют путь, которым они согласились следовать для того, чтобы прийти к освобождению труда.

4-й §. Общий конгресс Товарищества будет собираться каждый год в первый понедельник сентября месяца.

5-й §. Каждая секция, каково бы ни было число ее членов, имеет право послать на общий конгресс одного делегата.

6-й §. Задача конгресса состоит в том, чтобы поставить на вид стремления рабочих разных стран и привести их в согласие путем дискуссии. При открытии каждого конгресса, каждая местная федерация представляет свой доклад о ходе дел в Товариществе за истекший год. Вотированию подлежат только административные вопросы; принципиальные вопросы не могут быть предметом вотирования. Решения Товарищества исполняются только теми группами,

которые их приняли.

7-й §. На общем конгрессе вотируют по федерациям, при чем каждая федерация имеет один голос.

8-й §. Конгресс ежегодно поручает одной из местных федераций организацию следующего конгресса. Федерация, которая получит такой паряд, считается федеральным бюро Товарищества *). По меньшей мере за три месяца до конгресса ей должны быть переданы для ознакомления всех местных федераций вопросы, которые разные федерации и секции желают внести в порядок дня конгресса. Федеральное бюро может, кроме того, служить посредником по вопросам стачек, статистики, вообще для корреспонденции между федерациями, которые для этой цели обратятся к нему.

9-й §. Конгресс сам назначает город, где соберется следующий конгресс. В указанное конгрессом время делегаты собираются в назначенный день и в назначенном месте, при чем специальные приглашения не являются необходимыми.

10-й §. В зависимости от обстоятельств, вотируанием, произведенным по инициативе секции или федерации, местными федерациями можно переменить в течение года место и дату общего конгресса или созвать чрезвычайный конгресс.

11-й §. Местная федерация, желающая войти в Товарищество, должна заявить о своем желании по меньшей мере за три месяца до общего конгресса той федерации, которая служит федеральным бюро. Бюро сообщит об этом местным федерациям, которые и решат, примут они или нет, новую федерацию и дадут по этому поводу наказ своим делегатам на общий конгресс, который и выскажется, как последняя инстанция⁴⁴.

Конгресс рекомендовал всем секциям орга-

низовывать рабочие союзы, их местные и международные федерации, так же, как и организацию национальных промышленных федераций таких союзов. В основу этой организации с'езд, руководствуясь испанским опытом, предлагает положить не централистическую систему, а автономию профессиональных федераций.

Конгресс счел своей обязанностью объявить, что Международное Товарищество Рабочих будет пользоваться в борьбе с капиталом солидарностью для того, чтобы реализовать освобождение труда по отношению ко всем рабочим мира, какие бы формы организации они ни приняли *).

Предложение живущих в Лондоне французских изгнанников о том, что в Интернационал надо принимать только рабочих физического труда было отклонено.

Конгресс разошелся при криках делегатов и публики: "Да здравствует Международное Товарищество Рабочих! Да здравствует социальная революция!"

КОНГРЕСС СТОРОННИКОВ ГЛАВНОГО СОВЕТА.

Конгресс марксистов собрался в Женеве 8-го сентября 1873-го года. На конгрессе прибыл некто Обервиндер из Австрии, один немецкий делегат и один делегат швейцарской секции Мутз. Затем на конгресс уж не приехали, а пришли 12 женецев французского языка. Беккер, видевший, что конгресс провалился, обратился к Обервиндеру, у которого оказалось дюжина австрийских, им самим написанных полномочий. 9 из этих "полномочий" были "переданы" женецам, а четыре проживавшим в Женеве швейцарцам немецкого языка. Таким образом явилось 13 "соломенных" делегатов (делегатов-чучел).

Система фальсификации конгрессов, нача-

*) Интернациональное бюро на 1874—5 год находилось в Юрской федерации. А так как по соглашению федераций, конгресс, который думали созвать в сентябре 1876-го года, был отложен, то, по такому же соглашению, международное федеральное бюро осталось в Юрской федерации и на 1875—6 год.

*) В декларации конгресса мы читаем: —"конгресс М. Т. Р., собравшийся в Женеве 1-го сентября 1873-го года, считает своей обязанностью заявить, что Товарищество имеет в виду практическое осуществление солидарности в борьбе против капитала для освобождения труда по отношению ко всем работникам мира какова бы ни была принятая ими организация".

тая в Гааге, продолжалась. Делегаты фальсифицировались. 22-го сентября 1873-го года И. Ф. Беккер писал Зорге: "для того, чтобы придать конгрессу более значения количеством членов и обеспечить большинство за правильным направлением, я вызвал 13 делегатов как будто из под земли". Беккер и не подозревал, что такое создание делегатов с целью обеспечить большинство за каким либо направлением, недопустимо.

Несмотря на то, что "Главный Совет" посвящая много времени созыву с'езда и выработке его программы, несмотря на то, что "больше всего его занимал вопрос о представительстве на с'езде" (Ю. М. Стеклов), женевский с'езд, состоявшийся из сторонников этого Совета, не удался.

По своему составу это был удивительный конгресс, ярко иллюстрировавший полное фиаско сотрудников Главного Совета в Международном Товариществе. Хотя Энгельс возлагал на этот конгресс большие надежды, Маркс в письме к Зорге от 27-го сентября 1873-го года признал провал этого конгресса и выразил свое разочарование словами: — "неудача женевского конгресса была неизбежна".

Что касается до работы, которую сделал конгресс, то ее почти что не было: по предложению Зорге филадельфийский конгресс в Америке вынес резолюцию, в которой заявил, что присланные в Главный Совет бумаги женевского конгресса "находятся в состоянии такого абсолютного беспорядка, что лицам, не бывшим на конгрессе, нельзя ничего понять в них..." и решился не считаться с этим конгрессом.

В своей неправдивой книге Пекк писал о светлом настроении господствовавшем на этом конгрессе, о его уверенности в будущем. Возможно впрочем, что несколькими женецам было смешно изображать из себя делегатов Международного Товарищества Рабочих.

На этом скорее сходе, чем с'езде было постановлено организовывать международные рабочие союзы, а по вопросу о политической деятельности была вынесена резолюция, в которой значилось: — "рекомендуя рабочему классу участие во всякой политике, имеющей целью его

освобождение, конгресс предоставляет товарищам отдельных стран действовать применительно к данным обстоятельствам".

Конгресс пересмотрел и слегка изменил устав М. Т. Р., но практического значения это изменение не имело.

* *

В это приблизительно время Ф. Энгельс написал и издал для испанских рабочих памфлет. Эта тощая брошюрка, написанная человеком, не участвовавшим в испанском движении, и получившим, как было уже сказано от испанского федерального совета резкую отповедь, была им названа "Бакунисты на работе". Эта книжка рассчитывала на очень глупого читателя. В ней говорится, например, о том, что 5000 рабочих 20 часов подряд сражались против 32 жандармов и немногих буржуа. На этой брошюре нет, впрочем, смысла останавливаться в этой работе. Произведение Ф. Энгельса, вышедшее под этим заглавием, переполнено невероятными сведениями. (Смотрите: Ж. Гилльом. "Интернационал". "Документы и воспоминания". Т. III стр. 151 и следующие первого французского издания).

СЕДЬМОЙ КОНГРЕСС ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

На седьмой конгресс Интернационала, собравшийся 7-13 сентября 1874-го года в Брюсселе, явились два делегата из Германии, один из Англии, 9 из Бельгии, один из Испании, один из Франции, один из Юрской федерации, один делегат из Палермо (Италия) и один гость из России, которому было разрешено присутствовать на конгрессе и участвовать в прениях (П. А. Кропоткин). Итальянцы почему то воображали, что время конгрессов прошло и не послали делегатов на конгресс.

Предположено было рассмотреть следующие вопросы: 1) общественные службы в новом обществе, 2) политическая деятельность рабочего класса, 3) о всемирном языке для обмена корреспонденцией между федерациями, 4) о манифесте ко всем рабочим и 5) о положении рабочего движения в разных странах.

На конгрессе выяснилось, что Интернационал стал в Бельгии силой с которой пришлось считаться. Силён был Интернационал и в Ис-

пации (349 сложившихся и 183 организующихся секций) и это, несмотря на дикие и злобные преследования М. Т. Р. правительством; сносны дела в Юре; об итальянском движении было прочтено письмо "итальянского социал-революционного комитета", в котором говорилось, что Интернационал не существует в Италии открыто, что его открытое существование было запрещено правительством, но, тем не менее, революционное движение было сильно в Италии. В этом письме, между прочим, говорилось: — "с сердцем, переполненным громадной верой в реализацию этой программы (т. е., программы Международного Товарищества Рабочих), мы стоим в настоящее время в Италии для полного разрушения государства и всех его зловещих институтов, для уничтожения всех видов власти, под какой бы формой она не являлась, для захвата поднявшимися массами во владение всех орудий труда, машин и сырых материалов, в том числе земли, и всего богатства, которое только самое злодейское воровство — эксплуатация голодных — могло скопить в руках небольшого числа владельцев богатств".

В Англии разивались рабочие союзы, но Интернационал был очень слаб. В Германии были только сочувствующие Интернационалу течения, но правительство не разрешало организации секций Интернационала, а рабочие не могли или не хотели заставить правительство пойти в этом случае на уступки.

Конгресс отклонил предложение пользоваться всемирным языком при корреспонденции между федерациями и, заявив, что федерации могут организовать корреспонденцию, как им угодно, рекомендовал их членам изучать живые языки.

Конгресс составил манифест к рабочим, резюмировавший историю Интернационала и развитие идей в его недрах. В этом манифесте, между прочим, значилось: — "Капитал... не является французским, немецким, английским, итальянским, испанским; он — не итальянский, не германский, не славянский... Патриотизм буржуазии, это только грубая шутка для того, чтобы обманывать наивных..." "Вопросы, главным образом занимавшие Интернационал в первый пе-

риод существования нашего Товарищества, были: организация рабочих обществ и стачек, увеличение заработка, уменьшение рабочих часов, ограничения женского и детского труда в мануфактурах, вопрос о машинах, вопросы, относящиеся к кооперации и кредиту... Между тем, положение рабочего класса осталось бедственным... Неужели нам всегда придется вращаться в том же самом порочном круге? Эта мысль возникает повсюду и везде ищет ее разрешения... Буржуазия может без помехи господствовать над рабочими и эксплуатировать их, потому что она является исключительной собственницей орудий труда, капитала. Вопрос о собственности, это — гордиев узел социального вопроса: чтобы решить последний, надо решить первый... Коллективная собственность была признана Международным Товариществом Рабочих..."

В манифесте говорилось о людях, составивших в Интернационале партию, о том, что "эти люди-сторонники завоевания политической власти рабочим классом, хотели преобразовать Товарищество в обширную политическую партию, иерархически организованную и находящуюся под их собственным управлением... и когда они хотели окончательно установить свою диктатуру, они потерпели неудачу, благодаря восстанию всех федераций Интернационала..." Манифест оканчивался призывом к рабочим всех стран и профессий принять участие в борьбе труда с капиталом.

На конгрессе обстоятельно обсуждался вопрос об организации общественных служб в будущем обществе, но по этому вопросу не было принято решения и обсуждение вопроса было перенесено на следующий конгресс.

По вопросу об участии рабочих в политике современных государств конгресс вынес следующую резолюцию: — "По вопросу о том, в какой мере политическая деятельность может быть необходима или полезна для наступления социальной революции, конгресс объявляет, что дело каждой федерации или демократической социалистической партии каждой страны определить ту линию политического поведения, которой они должны держаться".

Во время дебатов Шницгелль говорил, ме-

жду прочим, что интернационалисты Юры все более и более убеждались, что, оставив буржуазные партии заниматься их политическими интригами и организуясь вне их и против них, рабочие создадут, конечно, более революционное положение дел, чем в том случае, если будут парламентировать с буржуазией в законодательных собраниях.

Гомес указал, что испанские рабочие не считают нужным добиваться всеобщей подачи голосов вследствие существующей подделке выборов.

Один из бельгийских делегатов заметил, что никакой рабочий не может вмешиваться в политическую деятельность, не роняя своего достоинства. Принимать в ней участие значит, признавать законы, в силу которых у работника грабят плоды его трудов.

Бастэн заметил, что "в Бельгии политическая деятельность ведется слишком безчестно для того, чтобы рабочие могли принимать в ней какое либо участие".

Во время прений выясняется, что федералисты хотят полного уничтожения всякого государства, всякого правительства, всяких политических институтов, политической власти, политического режима. Новое общество не будет восстановленным государством: экономическая федерация коммун не будет иметь с ним ничего общего. Как нельзя назвать научную философию религией потому, что она заменит религию, так нельзя назвать экономическую федерацию коммун государством потому, что она заменит государство.

* * *

24 января 1875 г. Федеральное бюро Интернационала собралось в Конвери, близ Нейшателя, и выпустило для своих федераций циркуляр, где говорилось, между прочим, следующее: — "Мы не скрываем, что Интернационал находится в настоящее время в исключительном положении, во многих пунктах парализующим его общественную деятельность. Во Франции, Испании и Италии реакция жестоко подавляет всякую социалистическую манифестацию и в двух больших странах — в Англии и Германии — рабочие хотят, как кажется, довольствоваться в да-

нное время чисто национальной организацией. Не смотря на это, мы сохраняем уверенность, что переживаемый в настоящее время кризис является преходящим. Международная идея не может погибнуть".

ВОСЬМОЙ КОНГРЕСС МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ.

Восьмой конгресс Международного Товарищества Рабочих заседал в Берне 26—29 октября 1876-го года. На нем присутствовали 29 делегатов и два гостя, а именно: один делегат от бельгийской федерации, два делегата от испанской федерации, два — от французской федерации, один — от голландской (он же имел полномочия и от бельгийской федерации), четыре — от итальянской федерации, 18 — от Юрской федерации (при чем один из них — Кафьеро — был одновременно делегатом и от итальянской федерации), три делегата от изолированных секций, гость от независимого клуба женевских социалистов и гость из Германии депутат рейхстага.

Были присланы приветствия и добрые пожелания Интернационалу из Греции, от социалтов-революционеров Парижа, от Центрального совета социалистической партии в Португалии, от Центрального комитета социалистической партии в Дании, от чешского клуба в Лондоне, от группы немецких социалистов в Лондоне, от группы русских социалистов в Лондоне, от лондонской секции Интернационала.

Было получено много писем из Англии, пришло приветствие от далекой секции М. Т. Р. в Монтевидео (Уругвай).

Был принят следующий порядок дня: доклад федерального бюро о членских взносах, доклады о солидарности в революционном деле, об установлении договора солидарности между различными социалистическими организациями, о созыве всеобщего социалистического конгресса в 1877-м году, об отношениях между личностями и группами в реорганизованном обществе, об отношении Интернационала к восточной войне.

Из докладов выяснилось, что положение Международного Товарищества Рабочих в Италии

к Испании было хорошо, а в Бельгии и в Голландии силы Интернационала уменьшились.

Конгресс составил манифест к рабочим Европы по поводу восточной войны. В конце этого манифеста, между прочим, значилось: — "потому что мы любим славян, славяне не заставят нас ненавидеть турок; потому что мы симпатизируем угнетаемым болгарским крестьянам, мы не чувствуем зложелательства к турецким рабочим и ремесленникам — тоже жертвам тирании... Мы кричим народам, что их заставляют резать друг друга. Поймите же, что ваши цари и ваши султаны, что ваши императоры и ваши короли — ваши враги и не могут быть ничем другим, как вашими врагами... пусть они ведут войны, но мы будем продолжать свою войну, останемся на нашем поле битвы, являющейся битвой права против несправедливости, нравственности против преступления, труда против воровства".

При обсуждении вопроса об отношении личностей и групп в реорганизованном обществе, говорили о социалистическом государстве и о свободной федерации свободных ассоциаций. Из 10-ти выступавших ораторов только один придерживался строго-государственной точки зрения.

Малатеа сказал, между прочим, следующее: — "мне кажется, что наши противники смеиваются над государством с обществом. Общество не

является искусственным об'единением, созданным силою или посредством договора непокорных по природе индивидуумов: наоборот, это живое органическое тело, ячейками которого являются люди, солидарно помогающие жизни и развитию его; оно управляется ему присущими законами, необходимыми и неизменными, как все естественные законы..."

Считая рассматриваемый вопрос теоретическим, конгресс не вынес по нему резолюции.

По вопросу о солидарности, конгресс заявил, что "рабочие каждой страны являются наилучшими судьями при выборе средств, какими надо вести социалистическую пропаганду. Интернационал симпатизирует рабочим во всех случаях, раз только они не имеют связей с буржуазными партиями, каковы бы эти партии ни были". Было решено устроить интернациональную кассу, в которой нуждающаяся федерация могла бы брать средства для пропаганды с согласия других федераций. Было решено рассмотреть часть вопросов на социалистическом конгрессе, где члены Интернационала встретятся с другими социалистами.

На этом — бернском — конгрессе член германской социалистической партии подчеркнул симпатии германских социалистов к Интернационалу.

(Продолжение в след. номере).

В БОЛГАРИИ.

I.

В нашей райской стране — стране "свободы и порядка" — свободу и порядок, как видно "мышки с'ели"... Смирненно-мудрые правители царства в последнее время почувствовали приступы сильнейшего раздражения... После девятимесячного сожительства между военщиной, социал-демократией, радикалами и другими ратниками "свободы" между ними пробежала черная кошка... Не поладили почему то...

Социал-демократы гордо потребовали развод; радикалы замечались о "сильной партии", о лавах будущих побед и воспротивились законному оформлению своего брака со сговором; и

даже демократы начали терять терпение и вообразили себя оппозицией...

На сербской границе, притом, слышалось бряцание оружия и... спокойную, тихую и миролюбивую Болгарию — ту Болгарию, где так любят "тишину" — об'яло тревожное беспокойство... Какие там еще сюрпризы послал нам Всевышний?.. Какие еще испытания предостоят перенести обескровленным и немощным жителям "тихой" страны?.. Но... "у страха глаза велики!..." Страхи наши миновали... Жизнь наша слегка встрепенулась и... теперь у нас снова тихо... Вполне!.. Вполне тихо!..

В последние месяцы мы получили два драгоценных подарка от нашего любимого прави-

тельства. Это — два новых, совсем свежих закона: один — "об амнистии", а другой — "о защите отечества". Оба эти закона, проведенные на скорую руку через верное и преданное народным интересам "Народное Собрание", получили таким образом свое освящение и стали действительными, благословенными, "законными" законами. "Закон об амнистии", авторы которого выставляли его успокаивающее и умиротворяющее свойство, вышел — как и следовало ожидать — кущим, туманным и "гибким"... Одним словом — удобным во всех отношениях...

Все участники, или только подозреваемые в участии, 9-го июньских и сентябрьских событий распределяются на "побудителей" и "обманутых", причем под амнистию попадает только последняя категория. Но, — как точно, вероятно, и желали мудрые и предусмотрительные составители законов, — при рассмотрении многочисленных процессов, возбужденных против мятежников, "побудителей" почему-то оказываются значительно больше, чем "обманутых"... Так, газеты сообщают, что по делу о Ломском мятеже — амнист. 64 ч., обвин. 74; за Ихтиманский мятеж — амнист. 1 ч., обвин. 83 ч.; за мятеж в Шуменской околии обвин. 150 ч. и т. д. и т. д. А министр юстиции недавно громко заявил, что "из общего числа арестованных будет амнистировано 4/5..."

Таким образом амнистия эта превратилась в злоую и мстительную насмешку над человеческими страданиями. Авторы ее зло и подло надругались над тысячами трепетно бьющимися сердцами жен, матерей и детей, ожидавших скорого возвращения их кормильцев, и уничтожили и последние проблески надежды у этих несчастных узников своего отечества... Но зато всему миру известно, что в Болгарии дана амнистия и что "Болгария жаждет прочного мира и ненарушимого спокойствия, чтобы лечить свои раны..." Увы! Совсем особые раны!.. И совсем особый курс лечения!..

Другой закон — "закон о защите государства" — это действительно перл человеческого творчества. Испекшие его ученые профессора вложили в него все соки своего больного воображения. Согласно этому закону все крамольни-

ки, осмеливающиеся делом, или устным и печатным словом покушаться на "священные устои державы", преследуются по закону о защите последней... вплоть до высшей меры наказания — веревки... "По принципу", — воскликнул во время прений в парламенте ученый палач-профессор Моаллов, — "я против!.. *Ad hoc* — за!" и веревка была принята голосами "противников смертной казни..."

Прилагая этот закон на практике, министр внутренних дел собирается теперь законно оформить ликвидацию несуществующей уже коммунистической партии и расформировать возникшую вместо нее легальную "партию труда", коммунист. кооперацию "Освобождение", "Рабочий Синдикальный Союз Болгарии" и т. п. неприятные организации, которые и без того уж представляют собой разложившийся труп...

Наряду с этим, преследования и гонения против левых элементов во всех уголках Болгарии продолжают. Стычки и инциденты происходят почти каждую неделю. Сообщу вам два — три случая из сотен таковых.

В ночь на 16-е ноября пр. года в городе Казанлык произошло столкновение между одним пьяным патрулем и несколькими нелегальными анархистами, в результате чего из полицейских было двое убито и один ранен, а от анархистов — никто. Последние скрылись. Вслед за этим в городке начались избиения. У 5—6 товарищей зияли большие раны на головах. Все были "массажированы" самым безжалостным образом.

Арестован, бит и интернирован в "места не столь отдаленные" и один русский товарищ только за то, что при обыске у него нашли несколько анархических газет: "Работн. Мисл", "Америк. Изв.", "Голос Труда" и др. Вся буржуазная и "социалистическая" печать (один из убитых полицейских был "социалист"...) подняли вой против анархистов-убийц и... под этот аккомпанимент бешеная травля анархистов продолжается все более и более усиливаясь...

Массажи, "смазывания" и т. п. приемы применяются перед носом высших властей. Особенно стали учащаться в последнее время убийства "при попытке бежать"... В селе Копривница в первых числах февраля произошло сле-

дующее. В доме одного — бывшего коммунистом и тогда только сочувствовавшего анархизму — товарища собралось несколько семейств родных и знакомых на семейную вечеринку. Было много женщин и детей. "Кмет" села (сельский староста — прежде избиравшийся, а теперь — назначаемый центральной властью), пугающийся даже своей собственной тени, заподозрил что-то неладное и, явившись в сопровождении нескольких полицейских, потребовал впустить его в дом. Не успел хозяин дома исполнить приказание, как он был уложен двумя выстрелами. Выбежав-

будь, что на Балканах скоро уж почки начнут пробиваться.."

Село Калифарево... по поводу имевшего там место инцидента, — о котором "пресса" раструбила невероятнейшие небылицы, — газете "Свобода" — органу толстовцев в Болгарии — сообщают: "Несколько молодых парней — из тех, которые принимали участие в июньских событиях (см. статью "Антимил. бунт в Калифарево" в одном из номеров "Голоса Труда") и, укрышись от тюрьмы и нагайки, бежали в леса, скитались, голодали и испытывали все сладо-

Дом на ул. "Доростол" в момент, когда он зажигается и полиция ждет, что-бы анархисты предались.

шая на выстрелы жена нашла его распростертым во дворе у еще закрытых ворот, а возле него, неизвестно каким чудом попавших во двор, двух полицейских.

На другой день были арестованы присутствовавшие на "собрании", а в газетах появилась краткая заметка: "В селе Копривщица собралась тайная конференция анархистов. Когда власти явились и потребовали впустить их в дом — их не пустили. Вследствие этого полиция вынуждена была стрелять и убила при этом домохозяина. Другие 16 анархистов арестованы..." Коротко и ясно... Все село — в возмущении. Один "селяк" предупредил "кмета"... "не за-

сти холода и злобы людской — возвратились одну ночь в село, чтобы погреться немного. Кто то в селе их заметил и сообщил по телефону в Тырново. Являются пьяные солдаты и пускаются в погоню за двумя беглецами, которых не удалось поймать дома. Один был слаб и болен. Товарищ его был вынужден вернуться помочь ему и носить его на плечах по отвесным горам, когда всякий момент расстояние между ним и озверелыми гонителями все более и более уменьшалось. Он мог убежать, но предпочел остаться с больным товарищем, и, когда его настигли, он выстрелом из револьвера покончил с собой, не выстрелив ни разу против тех, которые гнались

за ним... Схваченный товарищ его был "смазан" от побоев в участке. Мать самоубившегося также была бита за то, что не предала своего сына, а перед домом ее пьяные солдаты устроили пляски и кричали ура... Самоубийца похоронен по желанию близких без участия церкви при более чем трехтысячном стечении народа.

В самой столице, Софии, 19-го февраля произошел инцидент, напоминающий собою жуткие времена инквизиции. Власти напали на след нескольких нелегальных анархистов, проживавших в одном из домов по ул. "Доростол", и, окружив этот дом, приступили к обыску. Но находившие-

тив и 1 "стражарь". Пожар продолжался. Анархисты никого к себе не подпускали и на стрельбу отвечали стрельбой и бомбами. В самый критический момент, в дыму и пламени, один из анархистов пел "Волга, Волга, мать родная!..". Скоро послышался выстрел... Под обломками обрушившегося здания нашли кроме него еще два обгорелых трупа анархистов, из которых один был убит бомбой, а другой — застрелился...

Так сообщают официальные газеты. После этого произведены были массовые аресты среди анархистов, которые, вероятно, не избежали наказания "смазкой"...

Пожарный извлекает второй труп, анархиста Г. Тодорова из под обломков.

ся внутри анархисты встретили полицию огнем и ранили одного пристава и двух "стражарей". Вызваны был войска и пожарная команда, которые и приступили к правильной осаде. Попытки полиции и детективов вынудить анархистов к сдаче успехом не увенчались. По распоряжению высших властей пожарная команда приступила к своей новой роли — поджигательницы и, выпустив несколько струй нефти, зажгла осажденный дом...

Анархисты не сдавались. Некоторые полицейские агенты пытались хитростью проникнуть в дом, но анархисты были на чеку и отвечали стрельбой. В этот момент налито убитыми 1 дек-

Кроме этих, описанных мною происшествий — таковые имели место недавно в Кюстендиль, Стара-Загора и др. местах и почти ежедневно повторяются по всем краям нашей "многогосударственной" родины...

Аресты, происходящие по ничтожным причинам — и чаще всего без всяких причин — сейчас уж никого не удивляют. В Софии, Варне, Бургасе — крупные аресты. В Ломской и Плевненской околиях — многочисленные аресты и зверские избиения. Правительство твердо и неуклонно вводит "умиротворение духов"... И надо отдать ему справедливость. Оно действует решительно и без колебаний — в направлении

все одной и той же цели — тишины... полнейшей тишины...

Даже его преданные социал-защитники, — соратники по "великому народному делу" 9-го июня, — "широкие" социалисты — испугались этой железной решимости и... сбежали... Конечно — не совсем быстро и даже не совсем безвозвратно, но все-таки — сбежали...

История их недолгого властвования — очень краткая, правда, но характерная вообще для всей социал-демократии, специальностью которой на службе у буржуазии является предательство,

все "человеколюбивые" законы, которыми последнее нас облагодетельствовало, и, что от этого "человеколюбия" они вряд ли намерены отступить).

Но скоро после этого, под влиянием обострившейся нужды в "кредите", — возникшей благодаря такому историческому событию как избрание "рабочего" правительства в Англии, — "широкие" потребовали "бакшиш"... *)

Один министерский портфель их уже не удовлетворял. Им захотелось еще... Но доброе и демократическое правительство проф. Цанкова наотрез отказало... Оно заявило, что... "ка-

Следственные власти обыскивают трупы убитых анархистов, чтобы забрать находящиеся в их одежде документы.

— заслуживает быть подробней описана, но я напому ее только в главных ее фазах.

К власти "широкие" пришли через заговор 9-го июня вместе с другими испытанными заговорщиками из лагеря буржуазии. Свой политический кредит, который они имели в глазах европейской демократии, они продали болгарской военной реакции за одно министерское кресло. За эту же плату они впоследствии освятили своим социалистическим знаменем потухшие сентябрьских мятежей и безрезервно бросили свои силы на борьбу с революционными настроениями в стране. (Нечего говорить, конечно, что в "Народном Собрании" они дали свои голоса за

кое-бы то ни было изменение в нынешнем составе правительства (читай — заговорщиков) сейчас недопустимо... в интересах родины...

"Широкие" обиделись и отозвали своего министра. Последний трогательно распрощался со своими коллегами и выразил им самую теплую благодарность за единодушие и согласие, царившее в их отношениях во время их совместной и плодотворной работы.

Вслед за тем Центр. К-т Социал-Демокр. Партии заявил, что представитель их отозван за то, что "правительство Цанкова не согласилось

*) — "На чаек"...

оформить свои мандаты через парламент (ведь благополучно правящий ныне кабинет Цанкова ведет свое существование от знаменитой даты 9-го июня, т. е. — он не избран "доброй волей народа", а составлен из рядов первостепенных заговорщиков), а также и потому, что "политика этого правительства становилась реакционной..."

Обиженные и обделенные "социалисты" забыли, конечно, что во всей бешеной свистопляске этой порицаемой ими реакции они принимали не совсем последнее участие и что за сотни и тысячи человеческих жертв, вырванных ею из недр народных, и за океаны крови, захлестнувшие страну во славу ненасытного Молоха за время их девятидесятилетнего участия в правительстве, — они — социалисты и демократы — несут не меньшую, а может быть и большую, ответственность, чем другие правительственные партии.

Но... "дума дунка не прави"... *) говорит народная поговорка и... заявлениям этих изолированных "народовластников" никто не верит. Дураков уж как-будто в наш век меньше стало. Пример социал-демократов заразил и некоторые группы "радикалов", но последние не имеют уж столько гордости и прыти.

Их конгресс высказался против полного вхождения в "Демократический Сговор", чтобы, как выразился один из ораторов "было кому взять бразды правления в стране, когда другие партии окончательно обанкротятся..." Но от власти они не отказались... Их мандатор остался в правительстве и за черные очи свои они вероятно получат еще один портфель...

Таковы то дела наши... Я подробнее остановился на этой отвратительной игре политических карьеристов и шарлатанов, чтобы поведать и вам о той простой и обыкновенной торговле властью, которая наряду с другого рода торговлей производится в благородных верхах счастливой Болгарии...

Знаю, что это для вас не ново... и не собираюсь, конечно, занимать вас рассуждениями на счет честности или нечестности наших "об-

щественников" — я даже прошу у вас извинения за свою назойливость, если проявил таковую, — но... позвольте уж мне рассказать вам кое-что и о македонцах. О македонцах, которые являются значительным фактором в общественно-политической жизни не только Болгарии, но вообще всех балканских государств.

Македония, как известно, является постоянно "яблоком раздора" между балканскими государствами. И Сербия, и Греция, и Болгария ведут между собою вечную непримиримую вражду из-за Македонии. Каждая из них заявляет свои "справедливые претензии", исходя из принципа "национального объединения", так как население Македонии состоит большей частью из сербов, греков и болгар. Но вопреки всем этим хищническим стремлениям балканских государств, Македония, в сущности, является единым, неразрывным целым в силу своих географических и хозяйственных условий и тех связей, которые издавна установились и утвердились между всем населением страны. Существует, правда, между отдельными национальностями и некоторая национальная вражда, но последняя большей частью развивается искусственно национал-шовинистами и патриотами Болгарии, Греции и др., каждая из которых желала бы распространить свое влияние на "братскую" Македонию... Эти "братские" чувства скоро начали проявляться усиленным темпом, когда разыгрались кровавые войны 1912-го и 14-го годов. На Балканах войны эти завязались, главным образом, из-за Македонии. Из-за нее балканские народы были брошены на взаимное кровавое уничтожение; для ее "блага" сотни тысяч человеческих жизней были загублены и стерты с лица земли; из-за нее же и теперь снова грозовые тучи собираются на полуострове... Можно было подумать, что балканские народы попали в какой-то заколдованный круг и не знают как выбраться из него. Между тем это далеко не так. Народы и сыновья народные знают выход. И этот единственный выход есть — автономия Македонии... Идея эта зародилась в низах болгарского населения Македонии (которое не было еще сжато в тисках узкой национальной нетерпимости, — как это было, например, с некото-

*) — Слово дарку не дедает...

рой частью греческого населения).

Как средство прекращения дряг и раздоров между братскими народами — идея эта — автономия, действительно, сумела бы положить конец всем "недоразумениям", ибо, находясь в центре балканских государств и служа как бы связующим звеном между ними, Македония тогда перестанет соблазнять своих соседей, когда она останется "ни нашим, ни вашим..." Но.. как это всегда бывает, — македонские революционеры имели своих "вождей", а последние не все оказались на высоте своего положения и большая часть из них продала душу дьяволу...

Произошло это, конечно, не без домогательств и соблазнов со стороны "хитро-умных" покупателей, милости которых сыпались, как из рога изобилия. Было это при царе Фердинанде, не прекращаясь и при Борисе III-м.

Только небольшая часть искренних борцов — "Серские дейцы" — осталась было на своих революционных постах, стремясь агитацией и пропагандой своих идей между всеми народностями Македонии завоевать себе симпатии масс. В деле распространения революционно-свободнических идей в Македонии они — "серские дейцы" — сыграли крупную — а может быть и самую значительную — роль. Но платные агенты болгарского империализма продолжали свою провокационную работу, и, в результате, между этими двумя течениями установилась глубокая вражда, вылившаяся скоро в кровавую междоусобицу...

Наступили войны. Грабительские аппетиты балканских династий выплыли на поверхность. Все красивые речи о национальном объединении, освобождении, братстве и т. п. хороших вещах были забыты. Императоры предвкушали уж грядущее величие и уивались славою будущих побед... Гореть македонских борцов была разбита и рассеяна, и "руководство борьбой" всецело перешло в руки "вождей", потерявших и совесть и честь.

"Вожди" эти, получая хорошую мзду и обещания от болгарского империализма, перешли на верную службу к нему в качестве ревностных проводников планов царя Фердинанда и его дворцовой камарилы... Что же принесли они

своей истердавшей рoдине?.. Кровавые сражения, разыгравшиеся на полях Македонии в 1912—1913 годах, — сначала между "союзниками" и турками, а после между самими "союзниками" — освободителями братских народов, — затопили кровью и слезами эти стоившие под непосильным турецким игом народы и, вместо желанной свободы принесли им снова рабство, снова гнет и насилие... Македония была бесцеремленно и преступно разорвана на отдельные части и поделена между ее "освободителями"... И не успела еще засохнуть пролитая кровь, как разыгралась новая трагедия. Началась великая всемирная война. Снова пошли годы тяжелых испытаний. Страшная, разрушительная война пронеслась по цветущим полям Македонии заглянув во все ее уголки. Македонские народности были жестоко и безжалостно брошены на взаимно-истребительную резню. Города, села, дома, землянки, сады и поля — все было подвергнуто всеуничтожающей стихии. Люди гибли, как мухи... и все эти жертвы в лучшем случае могли привести их только к новому рабству под скипетром какого нибудь властолюбивого императора. Но судьба уготовила им "худший случай"... Македония снова была разорвана на части и поделена... Ее совершенно исключили из числа стран, имеющих право на существование. Все ее жертвы были в пользу чуждых и враждебных ей интересов... И будущее ее осталось еще более беспроектным и безрадостным, чем оно было прежде под властью турецких "янычаров".

Несмотря однако на все козни ее притеснителей, Македония существует. Борьбу свою за освобождение из под ига разных царей и царков она продолжает... Но борьба эта сильно компрометируется деятельностью все тех же старых предателей, которые столько раз и так подло предавали ее империалистическим псам на растерзание... Эти люди занимают в Болгарии завидное положение. Нередко можно видеть из их среды и министров, и депутатов, и губернаторов, и высших администраторов, и крупных коммерсантов, и банкиров и т. д. и т. д. Все они связаны одним стремлением, одной целью — присоединением Македонии к Болгарии — прикрытой

фиговым листочком "автономии"... Последней они только маскируют свои звериные желания. Автономия Македонии была, есть и будет единственным средством примирения между вечно враждующими балканскими государствами, но... в руках ее злейших противников идея эта теряет свое обаяние и дает, конечно, противоположные результаты. Сербское правительство неустанно насаждает в Македонии систему жесточайшего насилия и террора, а македонские "революционеры", которые при помощи своих "высочайших" патронов и их субсидий усеяли Македонию густой сетью своих чисто-террористических организаций (М. В. Р. О. — Македонская Внутренняя Революционная Организация), с немецкой же жестокостью упражняют над населением свое "революционное" насилие. Если до сих пор и имелись люди, которые верили в революционность македонцев-автономистов, то начиная с знаменитого в нашей истории 9-го июня 1923 года, они должны были переживать муки ужаснейшего разочарования... "Автономисты", как бы в подтверждение всех существовавших на их счет сомнений, бросились со всей присущей им темпераменту буйностью на борьбу против революционных течений в самой Болгарии — за установление самой черной и отвратительной реакции... Их участие в событиях 9-го июня и 12-го сентября было активным и решающим... Расправа их была зверской, беспощадной... И их кровавый разгул, неопишемые издевательства над мятежниками, поголовная работа в правительственной охране — общественной безопасности — и пытки, учиняемые над арестованными — все это веками не изгладится из памяти трудовых масс Болгарии.

* * *

Хозяиничанье "автономистов" в Болгарии не могло не быть замеченным соседкой Сербией,

и эта последняя, — предчувствуя, что близкой весной в Македонии может быть поднимется восстание, — ультимативно потребовала от правительства профессора Цанкова принятия экстренных и решительных мер, которые парализовали бы организацию македонских отрядов ("чет") в Болгарии. В подтверждение того, что она не шутит, Сербия даже начала бряцать оружием... Запахло войной... Поднялась тревога. По жар на Балканах означал бы снова быть может европейскую бойню, и... ультимативное требование Сербии (а может быть и какой-нибудь великой державы) оказали свое действие. Правительство Цанкова вынуждено было, сжав сердце, посягнуть на свободу "мирных и благородных" граждан... Было арестовано и выслано в восточную Болгарию около 300 человек македонцев, и тучи, начавшие было обволакивать светлое небо Болгарии, постепенно стали рассеиваться...

Теперь у нас тихо...

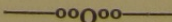
Только в Софии происходят какие то крупные студенческие волнения, но так как министр внутр. дел г-н Русев обещал, что полиция приступит к исполнению своих обязанностей, то можно предполагать, что рано или поздно и там утихнет... Да!.. Некоторые "кручи" начали поговаривать о "военной диктатуре (как будто существующая власть является недостаточной военной и недостаточно диктатурой)", но это пустяки... Мы уж ко всему привыкли, надо попробовать и испанской похлебки... Но "наперекор стихиям" — у нас чрезвычайно тихо!...

Если в этой могильной тишине я услышу какой-нибудь голос, или стон, или хотя бы слабый вздох — я спешу вас известить об этом...

Болгария.

Март 1924 г.

Г. С.

ПЕСНИ БОРЬБЫ.

3. Осанна и Проклятие.

Моя первая песнь о божестве и первое слово ей: бог.

Моя последняя песнь о божестве и последнее слово ей: бог

Две песни об одном божестве; две разные песни об одном божестве.

.....

"Верую потому что прекрасно".

Моя первая песнь — младенческая вера,

безумное ликование, блаженная мечта, лучезарная галлюцинация, священное вдохновение и благородный порыв молодого сердца, воодушевленного любовью к высокому познанию Истины, Добра и Справедливости.

Первое слово этой песни — бог.

Бог — все.

Бог — безначальная Истина.

Бог — добро.

Бог — духовный Отец человека.

Будь благословен в веках!

.....
"Может быть бог и существует,
но я его не хочу".

Моя последняя песня — холодное безверие, глухое недовольство, разумное возмущение, жестокое негодование, глубокое презрение и горькое разочарование дряхлого разума, осознавшего в себе величайшее заблуждение: Ложь, Зло и Несправедливость.

Последнее слово этой песни — бог.

Бог есть ничтожество.

Бог — протон псевдос. *)

Бог — зло.

Бог — бездушный враг человека.

Будь проклят на век!

Анатолий Консе.

*

Друг мой милый,
Тебя я молю:
Исполни ты просьбу,
Последнюю мою.
Пора умирать мне,
Смерть близко уже;
В груди моей рана,
А сердце в огне.
Исполни завет мой:
Когда я умру,
Сзови ты друзей
И знакомых толпу.
Без слез и без жалоб
Омойте мой труп;
Его не тревожьте
Лобзанием губ.
Пусть мертвое тело
Вкушает покой.
Живущему: делай
Для жизни живой.
И черное знамя,
Любимый мой стяг,
Возьми... им накроешь
Измученный прах.
На знамени, видишь,
Ряд огненных слов:
"Свобода и Братство
И Жизнь без оков".
Вот этот завет мой,

О, друг, обещай!
По смерти моей
Ты его передай
Всем близким по духу,
Друзьям и родным;
Вы все преклонитесь
С любовью пред ним.
Ведь это такие
Большие слова;
Они, как живые,
В груди у меня.
Я с ними сроднился,
Для них только жил,
Боролся, трудился,
Страдал и любил.
Пока бьется сердце,
Пока мысль жива,
О, друг! повторяй мне,
Молю я тебя!
"Свобода и Братство
И Жизнь без оков".
Живые, учитесь
Безмертию слов.

Анатолий Консе.

*) Протон псевдос — первая ложь, ошибка в основном, этими словами обозначается ложное предположение, из которого следует ряд ложных заключений.

ОТВЕТ тов. ПЛОТНИКУ.

Статья тов. Плотника в № 230 "Г. Т." свидетельствует, что не смотря на его заявление о том, что он не считает себя знатоком политической экономии, он, тем не менее разбирается в экономических вопросах. Однако в нем слишком еще сильна марксистская закваска и ему не мало придется еще поработать над собой, чтобы вытравить все следы каннивой печати марксистской идеологии.

Чтобы не тратить слов зря, перейдем к существу спора и начнем с того, что нас объединяет. "Трудно установить границу между умственным трудом и физическим" — справедливо утверждает т. Плотник. Это, конечно, правильно. Также правильно и то утверждение его, что некоторые виды физического труда требуют применения большого количества нервной энергии, чем многие виды умственного труда. Об этом нам тоже нечего спорить.

Но мы будем спорить по вопросу об идеологии производителя и о теории ценности. Эти два вопроса необходимо расчленим, ибо иначе нам трудно будет сговориться. Идеология производителя логически связана с трудовой теорией ценности и является даже своего рода этицизмом (нравственным) учением, имеющим свои экономические корни в этой теории.

Производством в экономической науке называется приспособление предметов природы к потребностям человека. Отсюда следует, что не всякая деятельность может быть названа производством и не каждый человек является производителем. Так, несомненно, что углекоп, портной, плотник, столяр и другие представители тех отраслей труда, которые заняты приспособлением предметов природы к потребностям человека, являются **производителями** в точном смысле этого слова.

Но столь же несомненно, что машинист на пароходе, стрелочник или кондуктор на железной дороге, приказчик в магазине или сторож на складе, почтальон и т. д. ни непосредственно, ни косвенно своей деятельностью не приспособляют каких либо предметов природы к потребностям человека и, следовательно, не переставая быть трудящимися, тем не менее вовсе не явля-

ются производителями.

Говоря так, я вовсе не считаю их "тружениками второго сорта" и называю их непродуцателями вовсе не для того, чтобы поставить их ниже производителей. Нет. Я считаю вторых не менее полезными, чем первых, ибо они одинаково необходимы и ценны для удовлетворения потребностей общества. Но я различаю их для того, только, чтобы лучше показать бессмысленность идеологии производителей.

Мне могут, конечно, возразить, что приказчики, почтальоны, железнодорожники и т. д. являются не непосредственными, а **косвенными** производителями, ибо они **содействуют** производству, перемещая, храня или распределяя товар. В сущности к этому и сводится "идеология производителей", когда у сторонников ее спрашивают перечень профессий, относимых к производству.

Однако, такая постановка вопроса является только грубым логическим фокусом, скрывающим внутреннее банкротство "идеологии производителей". Косвенное или даже непосредственное содействие производству оказывают все члены буржуазного общества, а не только трудящиеся. Учение о косвенных производителях стирает всякую грань между производителями и непродуцателями.

Каждый капиталист косвенно содействует производству в большей степени, чем некоторые профессии физического труда. Перемещая ценности, кредитую те или иные предприятия, заключая договоры, наконец, создавая коммерческие или промышленные предприятия капиталист, конечно, больше содействует производству, чем сторож, приказчик и некоторые другие отрасли труда.

И нельзя капиталиста называть непродуцателем, противопоставляя его рабочим, ибо он косвенно содействует производству больше, чем некоторые профессии рабочих. Однако, это не делает капиталиста более достойным в наших глазах, чем вышеуказанные профессии рабочих непродуцательного труда. Всякий рабочий — прежде всего пролетарий, обездоленный, а капиталист — монополист и эксплуататор.

Идеология производителей, при ее возни-

кновения, имела в виду противопоставление физического труда труду умственному. Партия аллеманистов (от имени ее вождя Жана Аллемана), закладываяшая в 90-х г. г. во Франции основы революционного синдикализма, усиленно пропагандировала теорию "мозолистых рук". Работники физического труда "имеющие на руках мозоли", считались истинными представителями пролетариата и имели право входить в ряды этой партии и участвовать в синдикатах. "Белоручки" рассматривались ими как враги рабочего класса, как эксплуататоры, помощники капиталиста.

Революционный синдикализм зародился как движение антиинтеллигентское, выступающее за освобождение рабочего класса от "власти" интеллигенции и идеологов. Поэтому и деление общества на производителей и непроизводителей имело у них смысл противопоставления работников физического труда, единственно производительного, с их точки зрения, всем остальным слоям общества, не принимающим физического участия в производстве непосредственного или хотя бы косвенного.

Такая точка зрения вполне соответствовала психологии ремесленника, собственными руками производящего продукт. Но в условиях капиталистического производства эта точка зрения поражает своей вопиющей нелепостью. Ясно ведь, что новая машина не может быть построена металлургическим заводом, если она не будет предварительно создана в уме изобретателя и вычерчена на бумаге со всеми расчетами работником умственного труда. Следовательно, в этом случае продукт может быть создан работниками физического труда только после того, как работники умственного труда сделают свою работу. Другими словами, инженер не менее нужен для производства, чем работники физического труда, ибо без его содействия один физический труд будет бесполезен (по крайней мере в данном случае).

Вступление анархистов в синдикаты повело к тому, что синдикалисты сделали им уступку и "теория мозолистых рук" превратилась в "идеологию производителей". В Конфедерацию Труда вошли синдикаты учителей и представители не-

которых других видов умственного труда и умственный труд был признан равноправным с физическим. Таким образом, работников умственного труда перестали считать паразитами и выдали им диплом на звание производителей.

Тогда получилось безсмысленное противоречие, в силу которого учитель географии, врач, артист и музыкант, которых даже самый фанатичный поклонник "идеологии производителей" не может назвать производителями, ибо они не производят и не могут производить никаких хозяйственных благ, словом, заведомо непроизводительные элементы общества, в качестве производителей противопоставляются "непроизводителям" капиталистам, несомненно принимающим косвенное участие в производстве хозяйственных благ, путем создания предприятий, кредитования их и т. д. Думаю, что каждый синдикалист, положив руку на сердце, скажет, что какой-нибудь "нефтяной король" или "стальной король" несравненно большее содействие оказывает производству хозяйственных благ, чем учитель географии, музыкант или артист драмы.

Пример, который приводит т. Плотник, ссылаясь на Толстого, Карузо и Чарли Чаплина (содействовавших созданию художественных ценностей — книг, грамофонных пластинок и кинематографических лент), говорит в пользу того мнения, что умственный труд все-таки не есть производство, даже по большей части не оказывает и косвенного содействия производству. Рабочие, печатавшие книги, изготовлявшие грамофонные пластинки и кинематографические ленты, конечно, приспособляют природу к потребностям человека и, следовательно, производят хозяйственные блага. Но Толстой, Карузо и Чаплин только содействовали производительной деятельности рабочих. Но ведь так не всегда бывает.

И, если Толстой имеет ценность только после того, как рабочие превратят его мысли в книги, то Карузо или Шаляпин, наоборот, очень теряют от того, что их голоса заносятся на грамофонные пластинки и превращаются в хозяйственные блага. Шаляпин и Карузо представляют несравненно большую ценность в натуре, когда они без всяких грамофонных пластинок

непосредственно удовлетворяют наши потребности.

Учитель географии, если он не будет писать учебников, артист драмы или балета, который никогда не играл ни для кинематографа, ни для грамфона, не может никоим образом причисляться к производителям, несмотря на все натяжки к которым прибегает т. Плотник, что бы доказать производительность умственного труда. Они являются несомненно элементом совершенно непроизводительным, но это, конечно, вовсе не делает их паразитами. Их деятельность сводится к непосредственному удовлетворению умственных и художественных потребностей населения. В этом заключается смысл их общественного существования и их ценность.

Больше того, артисты драмы, балета, оперы, музыканты по существу не являются даже и традициями. Их деятельность представляет собой не труд, а творчество. Артист и музыкант творит на сцене, а не трудится; трудится только шарманщик, вращающий ручку своего музыкального инструмента. Также и талантливый писатель — художник творит, а не трудится. Книжки Толстого, Оскара Уайльда, Генрика Ибсена представляют не труды их, не произведения в смысле продуктов их собственного производства, а их творчество, их создания. Поэтому печатник, набирающий книгу Оскара Уайльда, является производителем, а сам Оскар Уайльд — творцом. Надеюсь, что читатель отлично понимает, что Оскар Уайльд не становится хуже от того, что он занимается не трудом и не производством, а творчеством.

"Посредственно или непосредственно всякий труд принимает участие в производстве... и во всяком случае удовлетворяет потребностям человечества" — утверждает т. Плотник. Это, как мы уже видели, неверно. Потребности человечества удовлетворяет не только труд, но и творчество, совершенно не связанное ни с прямым, ни с косвенным участием в производстве. И в то же время косвенное, посредственное участие в производстве принимает почти каждый капиталист (за исключением только тех, деятельность которых исчерпывается обрешением купонов).

Отсюда следует, что "идеология производи-

телей" представляет из себя бессмыслицу, которая только по привычке держится в мозгах синдикалистов и должна быть отвергнута каждым критически-мыслящим человеком. Отвергая вздорную "идеологию производителей" мы делим общество на буржуа и пролетариев или на монополистов и обездоленных. Мы понимаем под обездоленными тех, кто занят удовлетворением потребностей людей, но в то же время сам лишен возможности нормального удовлетворения своих потребностей, благодаря монополизации хозяйственных благ кучкой насильников. И мы зовем всех обездоленных к борьбе против монополистов, провозглашая лозунг "от каждого по силам, каждому по потребностям".

Почему некоторые социалисты продолжают цепляться за эту бессодержательную "идеологию производителей"? — Я думаю, что только потому, что они находят для нее нравственное обоснование в так называемой трудовой ценности. В капиталистическом обществе все становится товаром, предметом торга и обмена, начиная с угля, железа, машин, хлеба и колбасы и кончая "рабочими руками", мозгами, талантами и самым человеческим телом. Все это является товаром.

Спрашивается, чем определяется меновая стоимость товаров? — Экономическая мысль выдвинула две основных и противоположных теории: трудовую теорию ценности и теорию предельной полезности. Первая считает, что труд производства и воспроизведения, измеряемый общественно-необходимым рабочим временем, определяет меновую стоимость (т. е. цену, плату) товаров. Вторая считает, что значение товара для удовлетворения потребностей, т. е. соотношение между потребностями и средствами их удовлетворения, определяет их меновую стоимость.

Творцом теории предельной полезности считается древне-греческий философ Сократ, умерший за 400 лет до Рождества Христова, а изложение ее дают продолжатели его дела — Ксенофонт, Платон и Аристотель, тоже жившие за 2200—2300 лет до наших дней. Мера потребности в данной вещи, т. е. полезность, по мнению Аристотеля, определяет ее цену. При обмене все предметы должны измеряться чем-нибудь одним.

"Этим в действительности служит нужда или потребность" — говорит он.

Христианство принесло коренной переворот в учение о ценности. Христианство объявило труд святым делом, цена его как средство аскетического упражнения. "Не трудящийся да не ест" — писал апостол Павел. И Фома Аквинский сделал отсюда вывод, что труд является основой ценности и меновая стоимость товаров измеряется количеством затраченного на их производство труда и издержек.

И только в XIV веке в учениях Буридака и Ник. Орезма снова возрождается теория предельной полезности. Вещи оцениваются по потребности в них, по степени важности их для удовлетворения потребностей и меновая стоимость (цена) определяется значением их для потребностей обменивающихся людей. Степень потребности, по мнению Буридана, определяется редкостью вещи: редкие вещи дороже ценятся. Полезность и редкость вещей, следовательно, определяют их меновую стоимость.

В XVIII веке теорию предельной полезности развивали Галиани, а в XIX — Госсен, Джевонс, Менгер, Вальрайс, Бем-Баверк. К этой же школе примкнул и Кропоткин, творец экономического учения анархизма. Трудовую же теорию ценности разрабатывали продолжатели христианских традиций — Вильям Петти, Локк, Франклин, Адам Смит и затем Прудон, Риккардо и Карл Маркс.

Кропоткин замечает по поводу трудовой теории ценности, что о количественном соотношении между двумя величинами можно говорить только в том случае, если эти количества были измеримы и сравнимы. Однако на самом деле утверждения, что ценность измеряется трудом взято с потолка, а не выведено путем измерений и является только религиозным предрассудком. "Меновая ценность и количество труда имеют не пропорциональные друг другу: одно никогда не изменяет другое" (Кропоткин "Современная наука и Анархия" 95 стр.).

Наше недавнее прошлое, когда расстройством транспорта и др. причины вызвали недостаток некоторых товаров, подтверждают слова Кропоткина, показывая, что меновая стоимость

товаров устанавливается независимо от количества труда, затраченного на их производство и определяется исключительно только соотношением между потребностями и средствами их удовлетворения.

Марксизм, гордо отрицающий этику, крепко держится за трудовую теорию ценности, совершенно несостоятельную, потому, что она дает этическое обоснование требованию перехода орудий и средств производства в руки трудящихся. Синдикалисты же идут дальше правоверных марксистов и пытаются теорию классовой борьбы (деление на производителей и непроизводителей) построить на трудовой этике. Они трудовую теорию ценности превращают в особую трудовую этику, этику производителя, черная в этой скудной мысли философское обоснование синдикализма.

Современный анархизм не нуждается в таком дешевеньком обосновании. Он имеет и свою философию и свое экономическое учение. К сожалению, среди русских анархистов преобладают выходцы из других партий (из с.-р. и с.-д.) и поэтому нет ничего удивительного в том, что среди них экономическое учение Кропоткина почти неизвестно. Принимая анархическую программу и тактику, они остаются при прежнем экономическом учении. А. Боровой, Я. Новомирский, Лев Черный и некоторые другие остаются при марксистской политической экономии. Другие товарищи, перешедшие к нам из лагеря с.—р.—ов, остаются при народнической политической экономии, более близкой к анархическому учению, но тем не менее вовсе не однородной с ней.

Анархическая политическая экономия начинается с учения о потребности и, исходя из теории предельной полезности, требует перераспределения всех богатств по принципу "от каждого по силам, каждому по потребностям". В учении о производстве она опирается на идею децентрализации промышленности и интеграции труда при разделении его во времени.

Теория предельной полезности, которая учит, что ценность определяется соотношением между потребностями и средствами их удовлетворения, дает обоснование классовой борьбы, указывая, что недостаток средств удовлетворения потреб-

ностей пробуждает чувство протеста у обездоленных. Акты одиночного и массового протеста не могут прекратиться до тех пор, пока, средства удовлетворения потребностей не будут распределены сообразно потребностям каждого, т. е. пока не будет проведен принцип "от каждого по силам, каждому по потребностям".

Отсюда ясно, что исходя из теории предельной полезности, мы должны делить буржуазное общество на монополистов, которые имеют больше средств удовлетворения потребностей, чем потребности, и на обездоленных, которые имеют потребностей больше, чем средств удовлетворения их.

Полезность же и ценность того или иного вида деятельности мы определяем по тому, удов-

летворяет ли она общественные потребности или нет. Поэтому мы приходим к выводу, что углекопы, слесари, транспортники, почтовики, учителя, артисты, музыканты и другие профессии, занятые удовлетворением потребностей населения, являются полезными и ценными. Что же касается монополистов народных богатств (буржуа и помещиков), то их деятельность, даже в тех случаях, когда она является производственной деятельностью, тем не менее считается нами вредной, ибо организуя производство для извлечения прибыли, они мешают обездоленным организовать хозяйство для удовлетворения потребностей всего населения.

В. Худoley.

МЫСЛИ О РЕЛИГИИ.

Бог Библии — старый еврей, маниак, психопат, свирепый безумец, который только и делает, что ворчит, грозит, ревет, как бешеный волк, и неистовствует за своими тучами. Я не понимаю его, не люблю его, его вечные проклятия пугают меня, и жестокость его внушает мне ужас.

Пророчество о Моаве....

Пророчество о Дамаске....

Пророчество о Вавилоне....

Пророчество о Египте....

Пророчество о пустыне приморской....

Пророчество о долине видения....

Это безумец, воображающий себя судьей, всеобщим обвинителем, всевластным палачем и во дворе своей больницы изрекающий смертные приговоры камешкам и цветам... Ведь это изумительно, это упорство ненависти, наполняющей эту книгу своими смертоносными воплями... — "Поднимает страшный крик...", "Ибо вопль по всем пределам Моава, до Эглоима плач его и до Беер-Элима плач его..."

Время от времени он отдыхает среди трупов, маленьких раздавленных детей, изнасилованных зарезанных женщин. И смеется смехом

войны из армии Иисуса Навина, за трапезой после расхищения одного города:

"И вождь воинства устроил пир своим народам из жирного мяса, из старых вин... И меч Господа обогатен был кровью".

Но самое ужасное, это то коварство, с которым бог посылает своего пророка ослеплять людей, дабы иметь потом возможность причинять им новые страдания:

"Пойди, ослепи, закрой им глаза и уши дабы..."

Доколе Господи?

"До тех пор, пока не опустеют их жилища и земля их не будет разорена..."

Нет другого такого злого человека во всем мире не найти.

Ромен Роллан.

Мы живем согласно заветам Моисея, согласно заветам Будды, Иисуса, Магомета и других человеческих пастырей, но естественнее и логичнее жить согласно тому, что мы сами думаем и чувствуем.

Бласко Ибаньес.

ДЕНЬ РАБОЧЕЙ ПЕЧАТИ.

Нью-Йоркская Группа анархистов-коммунистов, обсудив вопрос об анархической печати, пришла к следующему заключению:

Большевистское правительство разгромило анархистское движение в России, запрятало в тюрьму или убило наших лучших товарищей и уничтожило анархистскую печать. Варвары-большевики сжигают анархистские книги.

Уцелевшие от разгрома товарищи загнаны в подполье. Отсутствие необходимых средств и тяжелые политические условия не позволяют анархистам в России развернуть свою деятельность так, как это было бы желательно.

Нет в настоящее время в России ни одного анархистского журнала, и не всегда имеется возможность выпускать листовки и прокламации против большевистской тирании. Там несомненно ощущается большая потребность в анархистской литературе, которую отчасти можно было бы удовлетворять нашими заграничными изданиями.

Но и их в настоящее время почти нет. Живущими в Европе русскими анархистами делаются попытки наладить издание журналов, но пока безуспешно. Пережившие революцию товарищи понимают и толкуют ее различно, разбираются на маленькие фракции и не могут договориться для совместного издания журнала, который предназначался-бы, главным образом, для России.

Каждая маленькая и бессильная фракция старается создать свой журнал, что-бы в нем разводить свою "философию" и спорить с другими течениями, не желаящими признавать новых "истин" и открытий в анархизме.

Увлекаясь доказательством своей "правоты" во что бы то ни стало, эти товарищи забывают о действительности, о том, что жизненность анархизма и его успех заключаются не в отвлеченных разглагольствованиях, не в одних разговорах, а — в действии, в практической деятельности, в пропаганде и распространении в обществе уже давно открытых и известных истин анархизма, а не в бесконечной погоне все за новенькими и подчас сомнительными идеями, в то время, как рабочие массы не знакомы еще и с элементарными понятиями об ана-

рхизме, а главным образом — в организации масс, воодушевлении их на борьбу с большевизмом, капитализмом и т. д.

К великому сожалению, товарищи в Европе не создали боевого, агитационно-пропагандистского анархистского журнала, который отвечал бы запросам трудовых масс и требованиям момента, и этим объясняется тот факт, что журналы европейских товарищей не встретили той всеобщей поддержки, на которую они могли бы рассчитывать при иной их постановке и подходу к насущным задачам анархистского движения. Возможно, однако, что все это учтут товарищи и такой агитационный журнал станет совершившимся фактом в будущем.

В настоящее же время нам надо в первую очередь позаботиться о нашей анархо-коммунистической печати. Выходящий уже пятый год журнал "Волна" является почти единственным большим журналом во всем русском анархистском движении, который все это время успешно отражает направленные против него удары наших врагов и справляется с многочисленными затруднениями. Журнал "Волна", несмотря на все неблагоприятные условия, выходит теперь в 48 страниц и достиг значительного улучшения в смысле ценности помещаемого в нем материала.

Поддерживающие "В" товарищи сознают всю важность и значение для нашего движения большого и серьезного по содержанию а.-к. журнала, каковым несомненно является "В", и все мы безусловно заинтересованы в его дальнейшем существовании и улучшении. Поставить же его на должную высоту можно только при дружной поддержке со стороны групп и отдельных товарищей, а сделать это мы можем прежде всего, обеспечив журнал необходимыми материальными средствами.

Принимая во внимание, что журнал "В" испытывает некоторые материальные затруднения, Нью-Йоркская Группа решила помочь своему федеративному органу посредством устройства дня рабочей печати. Этим днем Группа предлагает избрать 15-е МАЯ С. Г. Нью-Йоркские групповики в указанный день решили пожертвовать весь свой однодневный заработок в фонд

на издание "В", и вместе с тем обращаются ко всем группам и отдельным товарищам предложить нашему примеру и принести эту маленькую жертву ради нашего великого дела анар-

хии и освобождения от ига капитала и власти.

**НЬЮ-ИОРКСКАЯ ГРУППА
АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ.**

ВОЗЗВАНИЕ МЕЖДУНАР. ТОВАР. РАБОЧИХ.

ИЗ НЕМЕЦКОГО БЮЛЛЕТЕНЯ № 7.

Ко всем организациям М. Т. Р.

К пролетариату всего мира!

Помогите заключенным

революционерам в России!

Товарищи!

К вам обращаемся мы с призывом провести широкую, единодушную интернациональную кампанию против неслыханных преследований социалистов и революционеров в России; призываем к всеобщему, энергичному протесту с требованием освобождения анархистов, синдикалистов, социалистов и беспартийных революционеров, томимых в бесчисленных тюрьмах и концентрационных лагерях или депортированных советским правительством в ссылку.

Мы хорошо знаем, что дикая реакция свирепствует в настоящее время почти во всех странах; что ужасные преследования, которым подвергаются наши товарищи, почти повсюду, требуют везде энергичной деятельности в пользу последних. Мы знаем, что революционное движение каждой страны насчитывает бесконечное число жертв и мучеников, активная помощь которым является нашей обязанностью. Но положение вещей в России во всех отношениях исключительно и несправимо.

Гонения на революционеров в капиталистических буржуазных странах — дело естественное. Необходимость борьбы против этих гонений там сама собой понятна, ясна и неоспорима. Русское же правительство именует себя "рабочим" и "социалистическим". Оно претендует на осуществление "диктатуры пролетариата". Преследуя своих противников, уничтожая революционеров лишь за их убеждения, несовпадаю-

щие с правительственными взглядами, это "революционное правительство" лицемерно заявляет, что оно борется лишь с бандитизмом и контр-революцией. Широкие массы пролетариата во всех странах вводятся в заблуждение этими лицемерами, этим блеффом насквозь реакционного и бессовестного правительства. Борьба с последним, таким образом, крайне затрудняется, — тем более, что ужасающий террор, возведенный большевиками в России в систему, делает таковую борьбу внутри страны совершенно невозможной. Преследуемые в России социалисты, анархисты и революционеры лишены возможности сами защищаться. Отвратительные и преступные злодеяния русского правительства в общем еще не известны трудящимся массам других стран.

Давно пора раскрыть эти злодеяния и сорвать маски с находящихся у власти преступников. Наша обязанность — предать широкой огласке хотя бы часть бесчисленных накопившихся фактов, довести их до сведения трудящихся во всех странах. Необходимо раз на всегда покончить с опасными и лживыми баснями о революционности и идеализме русского правительства и воочию показать всю его реакционность и буржуазность.

Преследования в России в настоящее время превосходят все, что можно себе вообразить. Создается отчетливое впечатление, что посредством радикального истребления хотят совершенно уничтожить все анархические, социалистические и революционные элементы в стране. Ежедневно гибнут многие из лучших товарищей. Каждый день приносит на этот счет все новые сведения. Условия тюремного заключения и ссылки на далеком севере ужасны. Избиения, убийства и рас-

стрелы за малейшие попытки протеста против невыносимых тюремных порядков входят в обычай. Лучшие товарищи умирают в тисках этого режима. Самоубийства учащаются... Тысячи революционеров томятся в этих кошмарных условиях, находясь все время под угрозой смерти, без предъявления им какого бы то ни было обвинения, по одному лишь произволу и капризу правительства.

Пора начать энергично действовать, чтобы вырвать из рук палачей дорогие нам жизни, лучшие силы революции, невинные жертвы красной реакции.

1) Конфедерации революционно-синдикалистских организаций каждой страны призываются к созданию комитета по проведению кампании. Для совместной работы в комитете привлекаются антиавторитарные группировки страны, где таковые имеются.

2) В целях подготовки широкой кампании по всей стране, комитет входит в сношение со всеми местными организациями страны. В больших городах могут образовываться подобные же комитеты.

3) Первой задачей этих комитетов должно быть собирание материала и снабжение им рабочей прессы.

4) Пресса Межд. Т-ва Рабочих и свободного рабочего движения призывается немедленно начать информировать общественное мнение посредством опубликования фактов и данных, всего имеющегося материала, а также печатания соответственных комментариев, многочисленных статей, выпусками специальных номеров и т. д. с выражением негодования и протеста.

5) Всеобщая решительная кампания на-

чинается везде одновременно 20-го апреля и продолжается безостановочно до 1-го мая с. г. Лозунг кампании: "Протест против преследований советским правительством революционеров и требование освобождения анархистов, синдикалистов, социалистов и беспартийных революционеров к 1-му мая 1924-го года".

6) Всюду должны устраиваться массовые митинги протеста, на которых следует излагать факты и голосовать резолюции против преступных действий русского правительства, с требованием освобождения к 1-му мая всех заключенных и сосланных революционеров и предоставления права возвращения высланным за границу. Такие же резолюции должны предлагаться и голосоваться на всех фабрично-заводских собраниях, на собраниях рабочих организаций и т. п., причем каждый раз резолюции должны опубликовываться в рабочей печати. Материалы и резолюции должны по возможности передаваться и в общую прессу страны.

7) Все принятые резолюции должны также быть вручаемы русским консульствам и посольствам для дальнейшего сообщения соответствующему. Копии резолюций предлагается пересылать в Секретариат М. Т. Р. Рекомендуется также организовывать рабочие демонстрации перед советскими русскими консульствами и посольствами — с вручением резолюций.

Товарищи! Мы надеемся, что вы приложите все усилия к тому, чтобы данная Кампания дала успех и содействовала бы скорейшему освобождению наших, страдающих в России, товарищей.

Секретариат Международного
Т-ва Рабочих.

БИБЛИОГРАФИЯ.

АНАРХИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК. Орган объединенных анархистских организаций. № № 1—6 1923. (Берлин).

На всякое появление нового анархического органа можно смотреть с двух точек зрения.

Разве это не отрадное явление, — может сказать какой либо товарищ, — если анархическая литература обогатилась еще одним, новым, изданием? И разве это не нелепость, — может сказать нам другой анархист, — если та или иная группа, при наличии нескольких анархических ор-

ганов, начинает издавать свой собственный журнал, расплылся таким образом и литературные, и материальные силы? И следует сознаться, что во всех этих положениях есть некоторая доля правды. Все это учитывали, вероятно, и наши берлинские анархисты. В передовице первого номера редакция "Анархического Вестника" соглашается с тем, что "органов анархической печати — немало", и что "увеличивать, без достаточных оснований, их число еще одним, отрывая на него и силы, и средства было бы непростительно". Тем не менее, они "признали необходимым издание еще одного анархического органа"; они признали это потому, что ставят "этому органу совершенно особую задачу" и надеются "поставить его на более широкий, глубокий и прочный фундамент, чем это обычно бывает".

В чем же выражаются эти особые задачи "Анархического Вестника"?

Первой его задачей является "дальнейшая теоретическая разработка самых основ нашего учения и мировоззрения", т. е. "нынешний разброд анархической мысли и анархического движения зависит в большей степени от того обстоятельства, что анархизм все еще не представляется научно обоснованной (не в марксистском, а в истинном смысле слова), строгой и стройной системой. Обще-философские, биологические и социологические основы его остаются разрозненными и смутными. Даны лишь некоторые отдельные руководящие линии, развиты лишь некоторые стороны, установлены лишь некоторые положения. Набросана общая схема. Самое же здание едва начто". Эту задачу можно считать, таким образом, задачей строго научного (философского, биологического, социологического и исторического) характера.

"Второй основной задачей" этого нового "журнала является разработка ряда существеннейших для анархического движения вопросов чисто практического характера". Сюда относятся "организационные вопросы", "ряд тактических вопросов", "объединения анархистов".

Следует, конечно, согласиться с берлинскими анархистами, что все эти замыслы и задачи поистине величественны и грандиозны. Следует

опасаться только одного, чтобы все эти замыслы и задачи не разбились о собственное величие, о чем, быть может, и не подумали эти товарищи.

Посмотрим, же теперь, сумела ли редакция этого серьезного научного органа осуществить в той или иной степени свои великие замыслы? Сумела ли она справиться скольконибудь с теми "обширными задачами", которые поставила перед собою?

Редакция, как это видно из всего теоретического материала, не примыкает ни к одному традиционному течению анархической мысли. Она считает, как это было указано выше, "что анархизм все еще не представляется научно обоснованной, строгой и стройной системой". Анархизм в теории и практике страдает, — пишет редакция, — "отсутствием ясного, определенного, и в то же время, достаточно широкого синтеза, который освободил бы как анархическую мысль, так и анархическую деятельность от целого ряда заблуждений, уклонов и извращений; синтеза, который ликвидировал бы в наших рядах — с одной стороны, обычное узкое сознание, взаимную, не имеющую под собой серьезных оснований, нетерпимость, с другой, — свойственную анархизму распыленность, разбросанность мысли и действия". Задача редакции сводится, таким образом, к созданию научной анархической мысли, к серьезной и научной переоценке тех идеологических ценностей, которые, как нам казалось до сих пор, не были настолько ненаучными и анахроническими, чтобы их можно было сдать без всякого сожаления в какойнибудь историко-идеологический музей.

В чем же выражается эта переоценка? Выказана ли на страницах "Анархического Вестника" какая либо новая, научная и интересная мысль? Сумела ли редакция, отвергая старые идеалы, дать своим читателям хотя бы самое минимальное представление об идеалах новых, более жизненных и динамичных?

На эти вопросы будем отвечать уже самими фактами. Обратим наше внимание на тот материал, которым заняты многочисленные страницы "Анархического Вестника".

В первом номере этого журнала нельзя, ко-

нечно, найти что либо научное и интересное. Первый номер всякого издания носит, по какой то традиции, программный характер. Так и в "Анархическом Вестнике" напечатана, разумеется, длинная передовица, с очень коротким содержанием; в этой передовице подвергаются суровой критике не только анархисты, но и все анархические концепции. В противоположность старой "ненаучной" анархической идеологии, выдвигается теория "объединенного анархизма", теория анархического синтеза. Разматривать эту теорию с научной точки зрения не приходится, т. к. в ней нет ни одного научного положения, нет ни одной научной мысли: вся эта "новая" теория является только простым эклектизмом. Это не наука; все это может быть только практическим предложением.

Среди всего материала, помещенного в первом номере журнала, выделяется больше всего по своему интересу (а не по учености) статья Полонского "Об индивидуализме", "Записки" Махно, статьи исторического характера ("Трагедия Николаевска на Амуре" и "Анархическое движение в Италии"). Что же касается остального материала, то в нем нет не только ничего интересного, но в некоторых статьях нет ничего и анархического ("Промышленность в России"). Напечатаны (вернее, пережваны) "Письма о пережитом" Волина, печатавшиеся раньше в "Воле". К великому стыду своему и великому унижению своего литературного и человеческого достоинства, автор этих писем переносит их окончание в "Анархический Вестник", не имея никаких оснований для этого. Подобный поступок можно было бы сравнить с поступком какого либо лектора, начавшего читать лекцию в Нью Йорке, например, и перенесшего ее окончание в Москву. Письма, конечно, не серьезные: ни одного факта, ни одной ссылки, ни одного веского аргумента. Есть только яркие и красочные выражения, которые автору свойственны, как поэту. Целых 14 страниц журнала занято необычайно скучной перепиской по делам "анархо-большевиков". Помещено также несколько воззваний. Таково содержание первого номера этого "научного" органа.

Материал второго номера является боль-

шей частью продолжением с первого номера. Выделяется больше всего статья М. Нетлау. Передовица более слабая, чем, например, в первом. Зато анархическая хроника заслуживает здесь должного внимания. Науки же все еще нет.

Самой ученой статьей третьего-четвертого номера следует считать, повидимому, статью Волина "О синтезе". Эта статья заслуживает более подробного критического разбора, т. к. она является философским обоснованием "объединенного анархизма". В ближайшем будущем эта статья будет нами разобрана более подробно. Сейчас же необходимо только ограничиться указанием на то, что эта статья могла бы быть написана скорее всего каким нибудь студентом первого курса, желающего на чужой счет казаться оригинальным и интересным, а не таким серьезным человеком, как Волин.

Товарищам, не искушенным в философии, эта статья и в самом деле может показаться оригинальной и интересной, а тем более потому, что автор этой статьи преподносит читателю самые разнообразные мысли, как нечто самостоятельное. В самом же деле, эта статья является слабым изложением учения Гераклита Эфесского о вечной текучести Бытия, а также изложением учений софистов, скептиков и пробабильстов. Все это было сказано еще до Р. Х. Если не знают этого некоторые читатели, то автор об этом безусловно знает. Впрочем это не важно. Ведь очень ценный вклад сделали в сокровищницу человеческой мысли и скептики, и софисты. Не следует только, излагая то или иное учение, вводить в заблуждение некоторых читателей, говоря им, что это учение есть учение новое. Нельзя тем более говорить читателю, что это есть научное и философское обоснование анархизма. Если автор думает так серьезно, то вся эта "теория синтеза" кажется просто смехотворной. Нельзя же, в самом деле, писать статьи на философские темы, не обладая необходимым для этого знанием. Для этого не достаточно знать только такие философские термины, как "вещь в себе", "абстрактный", "эмпирический", "телеологический", "метафизический", а необходимо нечто большее.

В этом же номере имеется заметка "О ре-

лигии". Это уже не что иное, как профанация мысли человеческой. Не мог бы, как нам кажется, ни один серьезный журнал принять на свои страницы подобные мысли и рассуждения. Вопрос решается совсем по-большевистски: религия — опиум для народа. Но разве это — суждение? Разве это научная мысль?

Разве имеет также хотя какое либо отношение даже к "объединенному анархизму" "хозяйственная политика большевиков", которой так интересуется "Анархический Вестник"?

Впрочем в этом номере имеется довольно интересная статья с.—р. Штейнберга о П. Лаврове.

В пятом-шестом номере имеются статьи Нетлау и Роккера, читающиеся, конечно, с большим интересом. Помещена также недурная заметка о "Чикагских мучениках". Зато в "русском обозрении" говорится очень много о "Политических последствиях НЭПа", о "ножницах".

Эти статьи и без всяких оговорок могли бы быть помещены "в редакционную корзину", а не на страницы анархического журнала.

Прочитывая, таким образом, все номерашедшего журнала, можно сказать, безусловно, что замысел берлинских анархистов пока не осуществился. В этом журнале нет пока ни одного нового слова, нет ни одной научной мысли. Много обещано и ничего не сделано. А сделать и написать за это время можно было бы многое. Содержание журнала несколько не оправдывает издания этого нового органа.

Нельзя же, в самом деле, считать научной ту теорию, которую пробует развивать в этом органе софист и скептик — Волин, задавая себе следующий вопрос: Что есть истина?

На этот вопрос можно дать ему следующий ответ: Для софиста и скептика Истины нет...

Март, 1924.

Библиофил.

ОТЧЕТЫ

ФЕДЕРАТИВНЫЙ ОТЧЕТ ЗА МАРТ 1924 Г.

ПРИХОД:

За литературу:

Ф — ия 8.00

За "В":

Гам — и Кан. 9.00

Мек — Рок 15.00

Чи — го 8.00

Пиб — ды 3.00

Де — т, гр. № 2 11.85

Н. П. 13.10

Бр — т 3.00

Гр — т 1.35

Инт. Фал. — 4.00

Юнг — и 18.15

Ба — кв. 5.00

Бал — р 24.45

Гар — д 11.10

В фонд "В":

Б. В — ич 5.00

Де — т, гр. № 2 10.00

Бал — р (подп. лист) 30.00

Гар — д 13.00

Итого прихода — 193.00

В кассе с Февраля на Март — 30.16

Общего прихода — 223.16

РАСХОД (за тот же период):

Выпуск журнала № 51 159.00

Рассылка 12.00

Перевод статей 10.00

Мелкие расходы 0.84

Итого расхода — 181.84

Приход 233.16

Расход — 181.84

В кассе на Апрель мес. — 41.32

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ

Для сбора средств на издание Ан.—Комм. органа "Волна", выпущенный от имени гр. А.Н.

Ф. С. — 5.00, Я. А. — 5.00, М. К. —

1.00, И. К. — 1.00, П. М. — 5.00, А. Щ.

1.00, Д. С. — 1.00, Г. Н. — 1.00, Г. Г. —

1.00, А. П. П. — 2.00, П. С. — 1.00, М. В. —

1.00, П. М. — 5.00. Итого — 30.00.